

История киргизского мятежа 1916 года в описании семиреченского духовенства

От редакции. Предлагаем читателям очерк по истории Иссык-Кульского монастыря с описанием кровавого погрома, устроенного в 1916 году мусульманскими экстремистами русскому населению южного Семиречья и Средней Азии. Несмотря на разницу исторических условий нельзя не провести параллели с теми событиями, которые потрясают мирное население Киргизии сейчас. Автор очерка пишет в сопроводительном письме в редакцию РНЛ:

«Несколько лет тому назад я, работая в Российском Государственном Историческом Архиве в Петербурге, нашла очень интересные документы, касающиеся киргизского мятежа 1916 года. И, составляя очерк по истории Иссык-Кульского Свято-Троицкого монастыря, я включила в очерк эти документы. До настоящего времени этот материал я нигде не публиковала, чтобы не повлиять на обострение межнациональных отношений. Но то, что происходит сейчас в Киргизии, напоминает 1916 год (правда, тогда все было намного масштабнее). Одно понятно, что и тогда и сейчас в тени стоят антигосударственные силы - дирижеры этих событий. Не знаю, стоит ли публиковать этот материал? Но, если посчитаете, что материал публиковать не нужно, тогда пусть то, что происходило в Киргизии в 1916 году, будет известно вам и вашим коллегам».

Мы считаем, что публиковать очерк обязательно стоит, и как долг памяти перед нашими невинно убиенными соотечественниками, и как материал для анализа событий современных.

В 1882 году, с целью распространения Православной веры в Туркестанском крае и духовного просвещения азиатских кочевников, св. Синод предложил Православному Миссионерскому Обществу рассмотреть дело об открытии в районе озера Иссык-Куль православной миссии. Миссионерское Общество, в свою очередь, обратилось с этим вопросом к Туркестанскому преосвященному Александру (Кульчицкому), который с живейшим сочувствием отнесся к предложению об основании миссионерства в пределах его епархии и употребил все свое старание, чтобы возбудить такое же сочувствие к этому доброму предприятию в местной высшей власти. В обширной записке по этому предмету, препровожденной им к Туркестанскому генерал-губернатору, епископ Александр указывал на то переходное состояние, в каком находились киргизы, доказывая, что в религиозном отношении они представляют богатую, восприимчивую и благодатную почву, которая быстро возрастит живое семя, и самым лучшим средством для успеха Христовой проповеди между инородцами находил устройство миссионерского монастыря на берегу озера Иссык-Куль. [\[1\]](#)

Получив от св. Синода благословение на учреждение монастыря, а от Миссионерского Общества значительную сумму на предварительные расходы, преосвященный Александр, не теряя времени, тогда же, в первых числах мая 1882 года, отправился на Иссык-Куль в местность, называемую Курмекты. Жители села Преображенского (ныне село Тюп) указали ему самое лучшее место для монастыря. Оно было, во-первых, вблизи озера, затем заливы, входившие в участок этой земли, особенно обильны были рыбой, а самое главное - пахотная земля не нуждалась в искусственном орошении. Преосвященный лично верхом объехал урочище и тщательно осмотрел все места, удобные для устройства обители. Целую неделю он постился, в твердом уповании, что Господь поможет ему в нелегких трудах. И вот, озаренный свыше, он избрал место для храма и монастыря на северо-восточном берегу озера.

Впоследствии, в 1904 году его преемник по Туркестанской кафедре епископ Паисий (Виноградов), посетив эту местность, писал о своих впечатлениях: «...С последней станции Кутемелды я выехал ранним утром и не отъехав 6 верст был поражен чудной картиной, которая была перед моими глазами. Передо мной расстилалось во всей своей красоте Иссык-Кульское озеро. На гладкой изумрудной поверхности играло солнце, переливаясь во все цвета радуги, вдали, как в дымке, выступает Тянь-Шаньский хребет с едва заметными очертаниями леса и над всем этим царствуют ослепительной белизны снеговые вершины отдельных пик. Это чудное соединение громадного озера, окруженного со всех сторон цепями белоснежных гор с здоровым воздухом, делают Иссык-Кульскую долину санаторией для больных. Озеро так прельстило меня, что я долго не мог оторвать глаз от созерцания такого дивного дара Творца». [\[2\]](#)

Итак, 21 мая 1882 года, в день свв. Царя Константина и матери его Елены, преосвященный Александр приступил к освящению избранного места. При громадном стечении народа, после молебствия, архипастырь благоговейно окропил святой водой избранную местность и водрузил деревянный крест на том месте, где предположено быть храму во имя Живоначальной Троицы.

Так, по милости Божией, положено было основание Свято-Троицкому миссионерскому монастырю в Туркестанском крае, на берегах величественного Иссык-Кульского озера, там, где в древности был христианский монастырь с мощами апостола и евангелиста Матфея. [3]

Первые насельники монастыря приложили немало трудов для устройства монашеской жизни, возведения монастырских стен и зданий и укрепления хозяйства. Но далекий от миссионерских центров и духовных оазисов России Иссык-Кульский монастырь не мог выполнять своих основных миссионерских функций. Для успеха нужны были умные сеятели - образованные монахи, но таких в Туркестане не было.

Преосвященный Александр и его преемники по кафедре неоднократно обращались в Священный Синод с просьбой о назначении в монастырь настоятеля и увеличении числа братии. Однако просьбам долгое время суждено было оставаться неудовлетворенными. Синод сносился с некоторыми епархиальными преосвященными по этому предмету, охотников же отправиться в полудикий в то время Туркестанский край не находилось.

Радостное умножение братии последовало в 1886 году, когда в монастырь приехали одиннадцать иноков из Свято-Михайловской Закубанской пустыни.

11 января 1887 года в обители была освящена Свято-Троицкая церковь, а 13 марта того же года Государь Император Высочайше соизволил укрепление за монастырем обширного участка земли с тремя заливами - Долгим, Узким и Песочным с прилегающим к последнему заливу озерком Садко с отведением места под мельницу на восточной стороне реки Курмектинки.

Но в этом же году Господь скорбью испытал своих рабов. 30 июня их постигло страшное бедствие - землетрясение. Сколько печальных последствий повлекла за собой эта необузданная стихия! У местного населения, как у кочевников, так и у православных поселенцев, были разрушены дома, погиб и искалечен скот, но самое главное - повсюду было множество человеческих жертв. Только Иссык-Кульская братия, по милости Божией, осталась цела и невредима. Но всего удивительнее, что по причине того, что стены рухнувшего монастырского корпуса упали не внутрь помещения, а наружу, церковная утварь, престол и жертвенник, образа, сосуды остались неповрежденными.

И вновь монастырская братия, поставив для своего временного проживания киргизские юрты, стала возводить стены и здания разрушенного монастыря.

Посетивший Иссык-Кульский монастырь летом следующего года Преосвященный Туркестанской епархии епископ Неофит (Неводчиков) не только воодушевлял братию своим архиерейским словом и практическими указаниями, но и помогал восстанавливать монастырь своим трудом. «Тиха мне показалась, - говорит преосвященный, описывая свои впечатления, - монастырская жизнь, шедшая без строгого монашеского устава, но одушевленная о Христе любовью, и проявлявшаяся общими посильными трудами с раннего утра до ночи, согласно апостольской заповеди: *друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов*. Невольно мне припомнилась притча о горушном зерне, маленьком, но живом и способном к сильному развитию. И монастырский участок по прежнему мне сулил такое развитие; вместо стен огражденный с одной стороны горным высоким хребтом, а с другой широким озером, он словно ждет, когда Бог его благословит».

И снова услышал Господь мольбы и просьбы своих избранных. Летом 1894 года на берега величественного Иссык-Кульского озера прибыли с не менее грандиозного озера, с острова Валаама, восемь иноков во главе с игуменом Севастианом, внося с собой дух Валаамской обители. [4]

В 1895 году были восстановлены и освящены братский корпус и малый храм, в том же году был заложен, а в 1897 году уже освящен новый обширный на 400 человек храм во имя Живоначальной Троицы (архитектор С.Г. Тропаревский), срубленный из брусьев, на каменном фундаменте, с колокольней, куполами и пятью главами наверху. В 1894 - 95 годах на средства Православного Миссионерского общества построены дом для общежития, дом для трапезы и службы, рабочий дом и амбар. На средства монастыря сделан погреб для льда, мельница, скотный двор, дом на пасеке, кузница, лесопилка, дом для плотничьей мастерской, дом, в котором разместились братские мастерские - портных и сапожников, баня, на ближней пасеке дом из брусьев в 2 этажа, построен дом на дальней пасеке, окончен постройкою гостиный дом.

Из местнотимых святынь в монастыре имелся присланный всероссийским молитвенником Святым праведным протоиереем Иоанном Кронштадтским им самим освященный образ Феодоровской Божией Матери со

следующей надписью: "В Семиреченскую область в Святотроицкий монастырь в благословение жертвую сию икону. Протоиерей Иоанн Сергиев из Кронштадта 4 января 1896 года". Также в монастыре находилась чудотворная Тихвинская икона Божией Матери, и особенно большое стечение богомольцев (до 5.000 человек) в монастырь стекалось 26 июня - в день празднования этой иконы.

В 1905 году в монастырь были приглашены из прославленной старцами Рождество-Богородицкой Глинской пустыни Курской епархии иеромонах Порфирий, возведенный Туркестанским Преосвященным в сан игумена и назначенный наместником монастыря, и несколько послушников, в числе которых были будущие иеромонахи Феогност (Пивоваров), Серафим (Богословский) и Анатолий (Смирнов). Двое последних недолго оставались в монастыре, и были призваны преосвященнейшим Димитрием (Абашидзе), епископом Туркестанским и Ташкентским в кафедральный город Верный, где приняли священный сан и подвизались в горных ущельях близ города. Туда же в 1916 году, уже после разорения Иссык-Кульского монастыря восставшими киргизами, пришел иеромонах Феогност. В то же время в монастыре подвизались монахи (впоследствии иеромонахи) Пахомий (Русин) и монахи Ириней (Мотях), впоследствии принявший схиму с именем Ираклий.^[5]

Посетивший в 1908 году Иссык-Кульский монастырь преосвященный епископ Димитрий пишет следующие впечатления о нем:

«Религиозно-нравственная жизнь в монастыре стоит на такой высоте, которая доступна простецу-простолюдину, теперь почти исключительно наполняющему наши русские монастыри; она трезва, трудолюбива, строго монашеская. За отчетные 1908-1909 годы ни один монах не был судим за какие-либо проступки против благоповедения. Да и в обществе нет никаких нареканий по отношению к монастырю и его насельникам. Причиною, почему в монастыре идет нормальная жизнь, служит, по моему мнению, с одной стороны, то, что насельниками его являются простецы, которых еще не коснулась грязная жизнь, а с другой, что монастырь удален не только от города, но и от селений, что ограждает его от тлетворного влияния развратной жизни. Твердо нравственной жизни в монастыре способствует и то обстоятельство, что почти всем насельникам монастыря приходится добывать себе пропитание тяжелым трудом, - заниматься даже хлебопашеством или не менее трудными работами... Помимо земледелия монастырь занимается пчеловодством, скотоводством, отчасти ремеслами, но не для сбыта, а для себя.

...Но в монастыре нет образованных монахов, а так же и денежных средств, чтобы заняться миссионерской деятельностью среди некрещеных туземцев. Имеющаяся в Иссык-Кульском монастыре школа грамоты едва влачит свое существование».^[6]

И вновь великое испытание Божие постигло Туркестанский край, а с ним и Иссык-Кульский монастырь. 22 декабря 1910 года произошло страшное землетрясение, по силе своей не уступающее землетрясению 1887 года. Землетрясение не ограничилось одним ударом, а продолжалось долгое время почти непрерывно. Погибло немало людей, неопишутся ужас и смятение, охватившие население пострадавших местностей. Но все же новая стихия не повлекла за собой столь страшных разрушений и жертв, какие были прежде, благодаря тому, что теперь большинство строений были деревянными. В Иссык-Кульском монастыре разрушены глинобитные постройки и нанесен значительный материальный ущерб, но снова никто из братии серьезно не пострадал.

К началу 1916 года монастырь имел 35 человек братии (1 архимандрит, 11 иеромонахов, 3 иеродиакона, 1 схимник, 9 монахов и 10 послушников). Монастырю принадлежало 2,500 десятин земли, 3 затона на озере (65 десятин). Некоторые из иеромонахов, как, например, Рафаил и Мелетий,^[7] находились в командировках, исполняя пастырские обязанности в переселенческих приходах и военных гарнизонах, куда по малообеспеченности и другим неудобствам, нельзя было назначить семейного священника. В самом монастыре не отказывались крестить младенцев, погребать усопших, принимать на исповедь и причастие Святых Таин. Два благолепных храма и ежедневное богослужение в них, в свою очередь, служили к утешению и назиданию поселившегося здесь православного населения, привыкшего на своей родине к святым обителям.

Монастырское хозяйство точно так же имело для крестьян показательное значение, так как последние могли видеть здесь механические сельскохозяйственные орудия, которых, по бедности, сами не могли приобрести.

Площадь монастыря была обнесена кирпичной оградой на каменном фундаменте, покрытой железом, повсюду множество зелени, фруктов, строевых деревьев и кустарников. К главному братскому корпусу примыкал большой сад за которым был расположен огород и службы: кузнечная и столярные мастерские, баня, скотный двор, конюшни, сеновалы и т. д.

При главных монастырских воротах имелась небольшая странноприимница, где в течении года выдавалось до 5.000 бесплатных обедов богомольцам и вообще приезжающим людям.

«Монастырская жизнь, в общем, протекает нормально и благополучно - пишет в своем отчете в Святейший Синод преосвященный Иннокений - но нужно сознаться, что главная цель, которая была положена в основу этой обители, т. е. миссионерская, до настоящего времени так и не достигается в надлежащей мере. Регулярных собеседований с кочевниками не ведется, крещения мусульман за истекший год ни одного случая не было. Даже миссионерская школа с интернатом для киргизских мальчиков, закрытая после землетрясения 1910 года, до сих пор не может надлежащим образом возродиться.

Правда, некоторой компенсацией в этой области могли бы служить для нас... окончание постройки нового прекрасного здания для миссионерской школы.

Но неожиданно возникшие в августе 1916 года киргизские беспорядки, причиной которых послужила насильственная мобилизация инородцев на тыловые работы, охватили весь Пржевальский уезд и вновь в корне нарушили правильную жизнь и работу монастыря».^[8]

Иссык-Кульскому монастырю так и не суждено было воспитать в своих стенах славных миссионеров и стать светочем просвещения Туркестанского края. Но не пропали напрасно труды и молитвы его зачинателей, строителей и смиренных сердцем молитвенников. Господь дал монастырю иную славу и благоволил простосердечным насельникам его, как невинным агнцам, пролить в Семиреченском крае кровь свою за веру Христову и святую Православную Церковь.

ОТЧЕТ ПРЕОСВЯЩЕННОГО ИННОКЕНТИЯ, ЕПИСКОПА ТАШКЕНТСКОГО ТУРКЕСТАНСКОГО. Г. ВЕРНЫЙ. 1916 ГОД.^[9]

Минувшим летом горы и степи Туркестана видели в своих пределах повторение кровавых походов Тамерлана. Начиная с половины июля туземцы, пользуясь ослаблением русского населения, стали нападать на железную дорогу, жечь и грабить русские города и деревни, разрушать телеграф, почтовые станции, церкви, школы, убивать людей, захватывать скот и всякое имущество, оставляя после себя груды пепла и трупов. Седьмого сентября, когда в Верном были получены более или менее верные сведения из пострадавших местностей, я поспешил телеграфировать Святейшему Синоду следующее донесение: «Иссык-Кульский монастырь разграблен туземцами, семь монахов убиты, архимандрит с прочими иноками приютился в соседнем приходе. Десять приходских церквей, двадцать пять селений вокруг озера Иссык-Куль сожжены, несколько тысяч человек убито, остальные вывезены в Пржевальск. Скот уведен в горы, все имущество погибло. Войска восстанавливают помощь беженцам. Почтовое и телеграфное сообщение с Пржевальском прервано».

В настоящее время, когда порядок повсюду уже восстановлен, я имею возможность изложить дело гораздо пространнее, заимствуя материал непосредственно из донесений духовенства.

Так, настоятель градо-Джизакской церкви (Сыр-Дарьинская область) Дмитрий Морозов сообщил следующее:

«Туземцы г. Джизак (город в современном Узбекистане - РНЛ) и всего Джизакского уезда в июле взбунтовались, восстание это подготовлялось, по-видимому, давно и по всему Туркестану, при участии посторонней агитации и было ускорено в Джизаке^[10] призывом рабочих из туземного населения на тыловые военные работы. Впервые восстание началось в г. Джизаке в назначенный день набора рабочих, а именно 13 июля 1916 года. Туземцы, не пожелав дать рабочих, перестав повиноваться русским властям и Государственному строю, отделившись от русского государства, объявили Джизакский уезд независимым Джизакским ханством. Учредив свое правительство, избрав себе хана и министров, организовали свое войско, или, вернее, банды из туземцев, объявив священную войну и тут же убив три человека русских, возвращавшихся из соленого озера Тускана, где они лечились, и пошли войной на русский город Джизак. По пути толпа туземцев повстречалась с начальником Джизакского уезда, который в сопровождении полицейского пристава, двух туземцев - переводчика и полицейского чина, выехал в туземный город Джизак, на место возникновения бунта.

Как только они въехали в толпу туземцев, то сейчас же были окружены толпой и все четверо зверски убиты. Сделав начало злодеяния, банда туземцев, около 4 тысяч человек, двинулась на русский город с намерением так же расправиться и с русским населением г. Джизака. Но, пройдя немного толпа повстречалась с отрядом солдат местной караульной команды в количестве 29 человек, который следовал за уездным начальником. С неистовыми криками, вооруженная палками, кетменями, шашками, ножами, приделанными к палкам вроде пик, и другим туземным оружием, толпа стала напирать на команду, стараясь окружить ее. Не желая быть окруженными и подавленными толпой, команда дала залп по толпе и, отстреливаясь, стала отступать к казармам, расположенным в крепости между русским и сартовским городами (сарты - общее именование, в дореволюционной России, малых оседлых племен Средней Азии, служившее для отделения их от кочевых тюркоязычных племен и ираноязычных таджиков, употреблялся параллельно с термином «узбеки», ныне отдельно не выделяются, слились с узбеки - РНЛ).

Возле казармы толпа почти вплотную подошла к команде. На предложения начальника караульной команды разойтись, туземцы ответили, что они не разойдутся до тех пор, пока не уничтожат солдат и русских жителей города. Тогда командой было дано несколько залпов по толпе. Толпа, не выдержав огня, или, вернее, порешив расправиться с гарнизоном и русским городом потом, когда к ним прибывает с уезда подкрепление, разделилась на две толпы. Одна направилась на вокзал, зажгла там нефтяной бак, который и послужил сигналом восстания для всего уезда. Избив несколько человек-стрелочников, туземцы испортили телеграф и местами путь, намереваясь также поджечь и станцию Джизак. Но это не удалось, благодаря находчивости служащих и своевременно принятым мерам начальником караульной команды, который успел послать на станцию несколько человек солдат, пять запасных винтовок и 200 патронов. Вооружившись винтовками и своими дробовиками, служащие и солдаты сели на паровозы и, маневрируя по путям, стреляя с паровозов по нападавшим сартам, обдавая их контрпаром, чем и спасли станцию от поджога, а женщин и детей от неминуемой резни.

Видя свой неуспех на станции, толпа двинулась вдоль дороги по направлению Ташкента, разрушая и сжигая все по пути; на ближайших казармах, полуказармах и будках вырезав всех служащих, главным образом женщин и детей. К этой толпе присоединились также туземцы с ближайших кишлаков, разрушив во многих местах путь, повалив телеграфные столбы, порвав провода. Сожгли станцию Ломакино и Обручево и 18 небольших деревянных мостов. Но служащим станции Ломакино и Обручево удалось спастись на проходившем поезде, который следовал в Джизак, но от станции Джизак, подобрав служащих, поезд пошел задним ходом обратно, так как дальше путь был попорчен, горели мосты. Обратно поезду пришлось двигаться уже по горевшим мостам и пробиваться сквозь сартов, которые усиленно портили путь, желая задержать поезд. Но поезду удалось добраться до станции Черняево благополучно.

Другая толпа от казарм направилась по загородом и поравнявшись с противоположной стороны в конце города с казармами военно-пленных офицеров, которых было около 10 человек, стала спускаться к ним. При военно-пленных офицерах караул был усиленный и состоял из 20 человек солдат. Подпустив на 50 шагов толпу, караул открыл по толпе залпами огонь. Толпа, не выдержав и здесь огня, повернула обратно и пошла тоже на путь железной дороги, и стала так же портить путь, повалив телеграфные столбы и порвав провода, но не все, убив несколько женщин и детей железнодорожных служащих. Но здесь толпа большего разрушения не успела сделать, благодаря маневрирующим поездам, вооруженным служащими и солдатами, а большой мост окарауливался всегда солдатами из 12 человек, которые также залпами отражали сартов.

Главная цель первой и второй толпы была прервать сообщение с Джизаком, чтобы не дать возможности получить подкрепление со стороны Ташкента и Самарканда. И действительно, с Ташкентом телеграф не работал, и сообщение было прервано, а с Самаркандом, хотя с перерывами, телеграф работал, и движение поездов после небольшого исправления пути было восстановлено.

Первая помощь была получена со стороны Самарканда, а именно: ночью с 13-го на 14-е пришла небольшая часть солдат, и того же, 14-го числа в 11 часов прибыла сотня казаков.

Того же 14-го числа сарты тоже получили большое подкрепление со стороны Богдана из резиденции своего хана.

В 9 часов утра появились новые толпы сартов в конном строю со знаменами (многие из них вооружены были ружьями, винтовками и туземными пиками, по 15-и и более тысяч человек). Но все последовательные их нападения на город с успехом отражались войсками и жителями города до прибытия карательного отряда, который прибыл 16-го июля со стороны Самарканда и Ташкента, так как путь на Ташкент был восстановлен. Всего прибыло войска более двух полков, разного рода оружия.

В 9 часов утра 13-го июля ко мне прискакал верхом на лошади помощник уездного начальника подполковник Афанасьев, наскоро передав обстоятельства дела, что бунтующая толпа сартов идет на русский город. Тогда я, взяв ключи, открыл церковь, куда жители города, все перепуганные, стали стекаться. Положение было ужасное: женщины и дети плачут, волнуются, а мужчины, окружив церковь, стали вооружаться, кто чем мог. Дабы успокоить плачущих женщин и детей в храме, я предложил помолиться Господу Богу, Его Пречистой Матери и Покровителю Джизака святителю Николаю о спасении нас от грядущей опасности. Облачившись, я стал служить молебен. Все присутствующие в храме усердно и со слезами молились, картина была неопишуемая - это был общий стон и рыдания.

Помолившись Господу Богу и положившись на волю Божию, все немного успокоились и до 6-ти часов вечера держали себя спокойно.

В 4 часа дня со станции Милютинской прибыл случайно воинский поезд конского запаса в количестве 60 человек нижних чинов, но без оружия, которые приведены были к церкви. Здесь их вооружили винтовками.

Соорганизовав отряд под командованием помощника уездного начальника, пошли в туземный город на розыски уездного начальника полковника Рукина, полицейского пристава штабс-капитана Зотоглова, переводчика и полицейского чина, которых нашли убитыми в туземной части города, на пустынном месте, в яме, неподалеку от базара. Трупы всех четверых были привезены в покойницкую при городской больнице, а 16-го мною отпеты и погребены на Джизакском городском кладбище.

В виду того, что толпы сартов весь этот день бродили вокруг города и везде была слышна стрельба и было дознано, что сарты намерены сделать нападение ночью на русский город, начальник гарнизона приказал всем жителям покинуть город и перейти из храма в крепость в казармы под защиту солдат.

В 6 часов вечера все ушли из города, я остался один в городе, решив, по долгу пастыря, не оставлять вверенный мне храм до последней минуты своей жизни. Закрыв храм, приготовив запасные Дары, Антиминс и миро на случай, если будет нападение на храм, я намеревался Дары потребить, Антиминс и миро сжечь, чтобы не достались на поругание фанатикам туземцам, а потом и самому умереть в храме. Но Господь был милостив над своим храмом и мной, грешным, - нападение сартов не состоялось, потому что подкрепление к ним пришло только утром в 9 часов.

Ночь провел я в храме очень тревожно, с минуты на минуту ожидал нападения. Приготовив все необходимое на случай нападения, поднялся на колокольню и до двух часов ночи сидел на колокольне, а потом спустился в храм, зажег лампадки, облачился и до самого утра усердно молился - прочитав акафисты: Спасителю, Божией Матери и святителю Николаю, прося их защитить святой храм и меня, грешного.

Утром, усталый, измученный, но с облегченной душой, открыв храм, сел на паперти, ожидая, авось кто-нибудь появится из жителей города. В 8 часов утра действительно стали появляться жители, от которых я узнал, что ночью прибыла из Самарканда небольшая часть солдат. Услышав эту благую весть, я до слез был тронут.

В 9 часов утра вокруг города появились большие скопища сартов конных и пеших, и стали было спускаться с гор в город, но их встретили залпами солдаты и жители. Завязалась перестрелка с обеих сторон, нападение было отбито, но с нашей стороны был убит один солдатик, которого и принесли ко мне в церковь. И так все время продолжалось до прибытия карательного отряда.

16 июля, с прибытием артиллерии, установили пушки и начали громить туземный город. Всем как-то вздохнулось свободнее.

Из крепости в храм сначала пришли два семейства, а потом более и более. В храме спасающиеся вели себя днем и ночью с должным благоговением чинно. Днем храм всегда был открыт для спасающихся, так как вокруг города постоянно появлялись толпы сартов, разгоняемые солдатами и казаками.

С 13 по 20 июля я почти непрерывно находился в храме, утешая прихожан словом и делом. Тут же и отпевал убитых. Во время беспорядков богослужения совершались мною в храме неопустительно, чем и поддерживалось душевное настроение прихожан.

С прибытием карательного отряда труд мой увеличился во много раз: напутствие больных, погребение убитых воинских чинов и граждан. Всего убитых было погребено мною и отпето 31 человек, из коих: семь человек военных и восемь граждан на Джизакском кладбище и 16 человек граждан отпеты мною заочно, а преданы земле на местах убийства. Всего же убито в городе и Джизакском уезде более ста человек, которые были отпеты другими священниками. Во время беспорядков вверенная мне церковь и церковное имущество не пострадали.

На братской военной могиле, которая находится в туземном городе, с памятника был сорван туземцами русский герб, который мною отыскан и водружен на место. На памятнике имеется надпись и дата: «Здесь погребены русские воины, павшие при взятии города Джизака в 1886 году 18-го октября», - а в 1916 году 13 июля, ровно через 30 лет, совершилось восстание туземцев и город Джизак пришлось снова завоевать».

Дополняя сообщение своего соседа, настоятель Самсоновской церкви (той же Сыр-Дарьинской области) Алексей Бызов пишет:

«Узбеки и сарты Джизакского уезда 13 июля сожгли две железнодорожные станции Ломакино и Обручево. Самый вокзал в Джизаке отстояли, но население города пострадало: убит начальник уезда и пристав. Особенную панику на крестьян узбеки нагнали тем, что, не довольствуясь избиением, издеваются над женщинами, детьми, всячески уродуя их... Волнения происходят по всем городам Самаркандской, Ферганской, Сыр-Дарьинской областей, и нигде не обошлось без жертв»...

С запада мятеж туземцев постепенно распространялся к востоку и в начале августа с особой силой вспыхнул около Верного. Здесь было сожжено пять почтовых станций, испорчен телеграф, уведен скот и разграблено несколько селений. Самый город Верный был поставлен в осадное положение: все городские улицы по распоряжению военного начальства, были перегорожены несколькими рядами кольев с заостренными верхушками в шахматном порядке, колья были перевиты колючей проволокой. Ведущие в город мосты были разобраны, за проволоками вырыты окопы, деревья, заграждающие горизонт были уничтожены; в соответствующих местах расставлены пушки, войска выведены на позиции, по окрестностям выведены разведчики, все мужское население города получило оружие и патроны.

7-го августа мятежники подошли к селению Пригородному (около 100 верст от Верного), убили трех женщин на поле и одного мужчину в селении. Священник Смоковский собрал население около молитвенного дома, устроил баррикады и организовал оборону, пока не подоспели казаки и не освободили осажденных.

8-го августа большие скопища киргиз показались по другую сторону Кастекского перевала и напали на село Быстрицкое.

«Рано утром, - пишет местный настоятель Демидовский, - я услышал тревожный звон в набат и поспешил скорее бежать к зданию волостного Правления. Здесь я застал много народу, окружавшего привезенную из гор порезанную киргизами местную крестьянку Величкину, которая была еще в сознании и просила меня исповедать ее и приобщить Святых Христовых Таин, что мною и было сделано.

После этого часа через два стали видны выступавшие из гор большие толпы киргиз, и к этому же времени прибыло несколько солдат, сопровождавших казенных лошадей из Пржевальска (из них три солдата были легко ранены, а одного киргизы увели в горы, раздели донага, тяжело ранили и отпустили едва живого), которые сообщили, что невдалеке от поселка на них напали киргизы, отбили и угнали лошадей в горы, а сами двигаются по направлению к поселку. Решено было оставить поселок и двигаться по направлению к Белому Пикету, дабы соединиться с тамошними людьми и дружнее отразить нападение.

В Белом Пикете уже никого не было: крестьяне все выехали и остановились возле казенной станции «Старый Токмак» в большом караван-сарае, обнесенном вокруг саженым дувалом. Сюда заехали и мы.

Все это произошло так неожиданно и произвело такую панику, что никто ничего из имущества не думал спасать, а каждый спасал свою жизнь. Я успел захватить из молитвенного дома два святых Антимина, Святые Дары и ящик со святым Миром, а освященные сосуды и облачение церковное было оставлено.

На другой день (9 августа) ехали многие крестьяне в село за хлебом и я поехал с ними забрать остальное церковное имущество, но нашел молитвенный дом ограбленным: святые иконы, кресты, хоругви валялись на земле, престол и жертвенник опрокинуты, одежда с них и священнические облачения похищены, школьный и

свечной шкафы разбиты; некоторые дома ограблены. Моя квартира и все имущество также разграблены. Я с семьей нахожусь в крайне тяжелом положении, ибо в квартире, кроме невытого белья, ничего не осталось.

Через 4 дня к нам прибыли крестьяне села Орловки, которые, пользуясь ночной темнотой, бежали, так как днем большие скопища киргиз окружало село и невозможно было никому прорваться. Несколько крестьян зверски убиты и некоторые тяжело и легко ранены. Скотину всю угнали киргизы в горы, а все остальное имущество орловцев пограблено, дома сожжены, в числе которых сгорел и молитвенный дом со всем церковным имуществом.

Накануне праздника Успения прибыли к нам беженцы из села Столыпина со своим причтом, которых сопровождали военные власти, по распоряжению которых все мы (т. е. быстрореченцы, орловцы, бело-пикетцы и столыпинцы) под вечер 15 августа переправились с большой опасностью через реку Чу в село Михайловское, в котором находимся и по настоящее время за исключением столыпинцев, которые эвакуированы в Верненский уезд.

После нашего отступления киргизы подожгли село Белый-Пикет, где также сгорел молитвенный дом. Оттуда мной были спасены священные сосуды и священнические облачения, а все остальное сгорело».

Того же 8 августа подвергся нападению восставших киргиз, коих было до 2000 человек, приход станицы Самсоновской.

«Во время набега восставших, - сообщает священник Шароватов, - население при 8-10 огнестрельных орудиях спасалось и защищалось в школьном здании, находящемся на церковной площади. В защите принимали участие мужчины и женщины, и даже подростки - дети.

В таком положении жители находились 11 суток и освободились только по приходе войск.

У станичников часть домов разграблены, а скот почти весь уведен. Окрестности станицы, в особенности пастбища, клевера и сено выжжены. Прилегающие к станице мельницы, пасеки и хутора разграблены и сожжены, а владельцы их частью убиты, частью уведены в плен и частью без вести пропали.

Всех убитых пока насчитывается более 33-х человек, из коих 11 станичных жителей, 14 пасечников и 8 из Васильевской партии. Все погибшие погребены в братской могиле на церковной площади. Уведенных в плен и без вести пропавших около 17 человек и из этого числа большая половина женщин и детей. Также было раненых человек 60 (из которых 32 тяжело раненых) и больных приходящих ежедневно до 100-150. Как за ранеными, так и за больными с христианским самоотвержением и любовью ухаживает один лекарский помощник г. Герко, благодаря которому все и раненые, и больные остались живы, а 28 августа благополучно эвакуировались в Токмакскую больницу.

Ко всему изложенному считаю долгом добавить, что за время осады праздничные богослужения, хотя и под опасностью, но совершались неопустительно, причем до 400 человек за это время исповедывались и приобщались Святых Таин».

По словам того же священника, вверенный ему Новороссийский приход того же 8-го августа предан разграблению и огню. Пожаром уничтожены все крестьянские строения и все их имущество, а скот уведен. Молитвенный дом со всем его имуществом, церковной утварью, ризницею, свечами и деньгами, которых было около 50 рублей, сожжен до основания. Сохранилась только одна звонница с колоколами к ней. Хранившиеся на престоле Святой Антиминс, Святые запасные Дары, неизвестно - похищены или сожжены, так как, по словам некоторых крестьян, молитвенный дом после поджога был ограблен. Канцелярия церковная сохранилась вся, за исключением только исповедных росписей и денежных книг.

Жители спасены. Защищались они в одном из крестьянских домов, прилегающих к базарной площади, кругом которой устроены были из бречек и телег баррикады, а внутри ограды наскоро приготовлены окопы. В защите себя принимали участие не только взрослые мужчины, но даже подростки и женщины.

Нападение со стороны киргиз делалось регулярно каждый день, начиная с раннего утра и до вечера. Ночью же оставляли в покое, что давало населению возможность запастись картофелем и водою.

В таком осажденном положении жители находились с 8 по 21 августа. Затем пришедшими из Верного войсками были освобождены и эвакуированы в станицу Самсоновскую, где находятся и по настоящее время и где им переселенческим начальством устроен питательный пункт.

Все эти 13 дней выдержанной осады крестьяне неустанно молились - читали акафисты: Спасителю, Божией Матери и Святителю Николаю Чудотворцу; пели молитвы и некоторые псалмы. Кругом баррикад ежедневно на рассвете обходили с иконами и с пением псалма: «Живый в помощи...». Всем же этим руководила послушница Верненского женского монастыря Евдокия Самилкина, приехавшая еще зимой в Новороссийское к своим родителям для поправления здоровья. За свое спасение население благодарит Господа Бога.

Всех погибших от киргиз насчитывается 15 человек, из числа которых 11 человек убито при осаде, 4 убито за селом, 3 пропавших без вести и 2 человека уведены в плен. Всех раненых около 23 человек, в том числе тяжело раненых 12.

На следующий день, т.е. 9 августа, киргизы уже подошли к селению Столыпино, Пржевальского уезда, и, по описанию священника Зимовнова, напали на жителей, работавших в поле и многих убили. Потом моментально окружили само селение.

«Мы, - говорит названный священник, - с 8-ю солдатами, которые стояли в нашем селении, решили защищаться во дворе почтового отделения, как более удобном, куда старший унтер-офицер Линник приказал немедленно собраться всему населению. Люди вошли во двор, а солдаты, разделившись на две партии, залпами отбивали наступление киргиз, которые немедленно вошли в селение, угнали крестьянский скот, разграбили и с обоих концов зажгли его. До вечера мы отбивались, а вечером прибыли два казака из Нарына и с помощью наших солдат отбили атаку киргиз и не дали киргизам в первый день покончить с нами.

Ночью атак не повторялось, Но все время киргизы рыскали толпами по селению, грабили и зажигали еще не сожженные дома, мы же все бодрствовали, окарауливая свои семьи и временную крепость.

10 августа, лишь только рассвело, киргизы возобновили атаку и быстро окружили нас и горевшее селение.

Часов в 8 утра на киргиз в тыл напали 7 казаков, оставшиеся караулить трупы почтово-содержателя Кумбель-Атинской станицы Баженова с его сыном, казненных киргизами. Киргизы атаковали казаков. Наши солдаты и два казака выручили этих казаков, которые привезли изрезанную жену Баженова с детьми и на время рассеяли толпы киргиз, окружавших и стрелявших в нас. В этой схватке убит старший унтер-офицер Линник.

Киргизы не остановились, а быстро стали собираться и наступать на нас.

Часов в 11 утра на киргиз напали казаки под командой прапорщика Букина, пришедшие нам на выручку из Нарына. Помощь себе из Нарына мы вызвали по телеграфу, благодаря тому, что 9-го утром случайно в селении оказался механик Дзюбенко, у которого был с собой карманный аппарат. Посредством этого аппарата, со столба, механик передал телеграмму о нашем критическом положении в Нарын атбашинскому участковому начальнику Хахалеву, который сам прибыл с казаками выручать нас. С ним прибыли два судьи из Нарына, товарищ прокурора Комаринец и почтовый надсмотрщик. Ударив в атаку в тыл киргизам, они рассеяли их и выехали на нашу временную крепость, из которой мы защищались.

Со слезами на глазах мы встретили этих спасителей. Долго кричали им «ура» и бросали шапки вверх. Сейчас же было дано распоряжение военного начальства немедленно выкопать окопы, наложить деревянных брусьев от строящейся в селении церкви, наложить мешков с шерстью, что было и исполнено крестьянами. Народ был расставлен по постам; я, как священник, остался во дворе крепости, чтобы успокаивать женщин, стариков, детей не кричать, не плакать, а держаться твердо, уповая на Бога. Тут же была мною устроена общая молитва с народом, которая продолжалась почти всю ночь. Усердно молился народ об избавлении от неприятеля, слезы лились у каждого молящегося. Киргизы же толпами ездил и грабили оставшееся имущество крестьян.

11 августа киргизы опять кругом облепили нас. Казаки, солдаты и крестьяне в окопах, каждый на своем месте, готовились принять атаку киргиз. Последние не замедлили броситься на нас. В эту минуту был настоящий ад: киргизы лезут к нам, стреляют и кричат во все горло «ур», «ур» - значит «бей». Залпами наши казаки отбивали их. Падали кучами убитые киргизы, падали и русские и, несмотря на это, лезли обезумевшие киргизы через трупы своих, желая уничтожить русских.

Такое горячее сражение продолжалось до вечера, а вечером киргизы зажгли базар, который был еще целым. Зажгли все лавки, которыми был окружен наш двор, т. е. временная крепость. Мы и гарнизон наш оказались в огне. Дым, смрад стал душить каждого из нас. Женщины и дети все плачут. Каждая мать обняла своих детей и горько над ними плакала. Многие просили у меня прощения грехов, как у своего пастыря, а иные подходят и просят благословения мужественно умереть.

Молитва наша была услышана Богом. В самую критическую минуту, когда все уже решили умереть, казаки решили сделать последнюю атаку на киргиз, говоря, что если умрем, то сделаем и киргизам дело, которое они долго будут помнить. Несколько человек незаметно пробили стену крепости со стороны Нарына и с криком «ура» бросились в атаку. Поднялась ужасная стрельба, и киргизы, вероятно подумали, что это еще пришли на помощь нам из Нарына казаки, бросились бежать. В атаку бросились с казаками и некоторые крестьяне. Очевидцы и участники этой атаки говорят, что трупами убитых киргиз были усеяны все улицы базара.

Отбив киргиз от места нашей крепости, военное начальство приказало немедленно запрягать лошадей в брички и забирать только одних людей, имущества и одежды не брать, и отступать на Токмак. Ни одежды, ни харчей, - никто ничего не взял. Наш молитвенный дом стоял в стороне от селения и нашей крепости, в сартовских постройках, и из него мы взять с собой ничего не могли, так как киргизы нас отрезали от него.

Мы выехали, когда молитвенный дом еще не сгорел, но кругом пылали постройки. Все церковное имущество, документы, два Антиминса, Святые Дары и прочее осталось в молитвенном доме и погибло от огня. Успел я только захватить флакон со Святым Миром, которое недавно было получено от отца благочинного и висело оно на иконе в моей квартире. Взятое мною Святое Миро в первый день наступления киргиз и все время битвы висело у меня на груди. В моей квартире осталось церковно-строительных документов на 7500 рублей, остались все книги по постройке церкви, а также все мое имущество. Проникнуть в квартиру было невозможно, да и увести было нельзя: все брички переполнены народом, которого было более 500 человек. Давка была невозможная. Никому не хотелось остаться и попасть в киргизские руки. С большим трудом мне и псаломщику пришлось поместить свои семейства. Свои же лошади были под казаками. Убрались в 5-10 минут и, охраняемые казаками, выехали из селения.

Всю ночь ехали без нападения, а утром нас встретила на станции Ново-Дмитриевской масса киргиз, которые залпами стреляли в нас. Залпами отбивались казаки, а мы с обозом бежали впереди, укрываясь в камнях от выстрелов, дабы скорей пройти это опасное место. В этом нападении мы потеряли несколько человек крестьян и одного солдата.

Киргизы долго преследовали нас. Все время нашей езды по Боамскому ущелью то спереди, то сзади нападали на нас шайки киргиз, которых отбивали казаки. За все это время ни лошади, ни люди ничего не ели, а питались одной водой.

Приехали к мосту через реку Чу, называемому интендантским. Мост сожжен. Пришлось переправляться через реку верхом на лошадях по пояс в воде. Потрудились над переправой народа казаки и солдаты, которые всех перевезли. Некоторые решились поехать через воду на бричках и большинство бричек вода опрокинула, люди потонули. Утонуло человек семь. По пути почтовые станции, караван-сарай все ограблены или сожжены; жители или убежали, или убиты. Ни души русской нигде не встречалось. Полный разгром везде. По дороге валяются брички, разбитые мешки семян, шерсти и прочее.

На выезде из щелей нас опять встретила большая партия киргиз. Открыли по нам учащенную стрельбу. Наши отстреливались, делая перебежку, и тем скорее выводили нас на простор. В этом сражении у нас убито 7 лошадей, из которых две лошади священника, одна псаломщика, а остальные казачьи.

Из 58 бричек, выехавших из Столыпина, приехали в старый Токмак только 8 бричек. Остальные или были потоплены в реке Чу при переправке, или брошены на дороге ввиду усталости лошадей. Взрослые бежали пешком, а дети ехали. Обувь на людях почти вся по камням побилась, - поэтому бежали босые. У многих лилась кровь из ног и многие от боли плакали. Поселились в старом Токмаке совместно с жителями селений Быстрицкого, Орловского и Белопикетского, которые жили в караван-сараях, оставив свои жилища.

Там мы, совместно со священником о. Иоанном Демидовским, отслужили молебен с акафистом Успению Божией Матери и, при большом стечении молящихся, возблагодарили Бога за спасение нас.

Прожили два дня, где большинство спасшихся исповедались и причастились Святых Таин. Оттуда нас начальство перевело в село Михайловское, где общество нас и кормило в течении трех дней. В Михайловском мы соборне с о. Иоанном Демидовским и о. Михаилом Колосовым служили две Литургии, на которых причащалось много народа.

Из Михайловского взял нас и наших столыпинских прихожан Верненский подрайонный чиновник и перевез в свой подрайон. Прихожан наших разместили по селениям: Бургун, Чиен, Кастек и Казанско-Богородском, где им сейчас же оказана продовольственная и материальная помощь. Мы же со своими семьями прибыли в Верный».

(Продолжение следует)

[1] В документальных заметках этого периода, встречаются, впрочем, и такие записи: «Турция не оставляет своей мечты быть покровительницей всех мусульман, и послы из Константинополя ежегодно приезжают сюда собирать дань и закрепить мысль о Сулеймане, главе всех мусульман Востока».

[2] РГИА, ф. 796, оп. 442, д. № 2064.

[3] Епископ Ташкентский и Туркестанский Аркадай (Карпинский) в 1898 году писал: «Иссык-Кульская долина известна в истории как одна из составных частей великого торгового пути из западной Азии в Китай. Арабские писатели свидетельствуют, что в средние века на берегах Иссык-Кульского озера жил кочевой народ, среди которого были христиане, вероятно несторианского толка. ...А в XIV веке по Рождестве Христовом на северном берегу Иссык-Кульского озера существовал даже армянский монастырь, который был отмечен на известной Каталонской карте (1374 г.). ...В 9 часов вечера 8 сентября я прибыл в Иссык-Кульский Свято-Троицкий миссионерский монастырь. ... Замечательно, что вблизи монастыря, около устья рек Тюп и Кей-Су сохранились под водой остатки древнего города. В этом именно городе, по предположению ученых-археологов, и существовал тот армянский монастырь, о котором я упомянул выше. Ф. 796, оп. 442, д. № 1754.

По другим источникам древний монастырь был обителью сирийских якобитов или несторианский монастырь. (Приват-Доцент Императорского Санкт-Петербургского университета И. А. Беляев, «Туркестанские Епархиальные Ведомости», № 21, 1910 г.)

[4] Священник Димитрий Булгаковский, «Иссык-Кульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии», С-Петербург, 1896 г.

[5] Преподобномученики иеромонахи Серафим и Феогност расстреляны в Аксайском ущелье близ Алма-Аты в 1921 году. Преподобномученик иеромонах Анатолий после их гибели подвизался в горах Кавказа, где был также расстрелян в конце 20-х годов. Преподобномученик иеромонах Пахомий после разорения Иссык-Кульского монастыря пришел в Верный к своим сподвижникам, где также подвизался в горах. В 1935 году был арестован и вскоре расстрелян. Преподобный старец схимонах Ираклий умер в селе Сазановка в 1937 году. Все вышеназванные подвижники в 1993 году причислены к лику местночтимых святых Алматинско-Семипалатинской епархии. В августе 2000 года на Юбилейном Архиерейском соборе внесены в собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания. Память 29 июля / 11 августа.

[6] РГИА, ф. 796, оп. 442, д. № 2246.

[7] Преподобномученик Мелетий (Голоколосов) постриженник Глинскоп Пустыни, после разорения Иссык-Кульского монастыря служил в Копальском уезде Семиреченской области. Погиб в 1918 г. при братоубийственной смуте. В августе 2000 года на Юбилейном Архиерейском соборе иеромонах Мелетий прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских. Память 25 января / 7 февраля.

[8] РГИА, ф. 796, оп. 442, д. № 2767.

[9] Там же. В «Отчет» внесены дополнения составителя.

[10] Джизак – город в Узбекистане, расположен между Ташкентом и Самаркандом. В царское время город делился на две половины – для русских православных переселенцев и местного мусульманского населения.

Но самый ужасный день для населения Пржевальского уезда был 10 августа. В этот день киргизы напали на селения: Преображенское, Бобриково, Михайловское, Валериановку, Лизогубовку, Паленовку, Лепсинское, Иваницкое, Богатырское и другие. Описывая события этого дня Преображенский причт говорит следующее:

«Обрушившееся на нас страшное бедствие, начавшееся 10-го минувшего августа, застигло нас неожиданно, а потому и растерянность среди жителей была страшная. Правда, о том, что среди киргиз началось брожение и готовилось всеобщее избиение русских, для чего киргизы готовили всякого рода оружие, ходили слухи еще в первых числах августа, но кто об этом решался доносить начальству, тому грозили тюрьмой и уверяли, что все обстоит благополучно.

10-го августа, около 10-ти часов утра, стало известно, что на заимках и на пашнях русские жители перебиты киргизами и все табуны крестьянского скота угнаны в горы. Набатным звоном церковного колокола все жители Преображенского были собраны к церкви, а через несколько часов сюда же было свезено все более ценное имущество крестьян. Сами же крестьяне, от мала до велика, оставив свои жилища, разместились в ближайших к церкви домах, как то: в здании и ограде министерской школы, в причтовых домах, в женской церковной школе, в церковной ограде и сторожке, женщины с малыми детьми заполнили церковь вплоть до иконостаса и проводили там дни и ночи. Богослужение, кроме Литургий, совершалось в церковной ограде.

Плач детей, истерические рыдания матерей, крики мужчин, готовившихся отражать врага - все сливалось в общий гул. Картина получалась такая, которую нельзя описать словами.

К вечеру того же дня все улицы, ведущие к церкви, были забаррикадированы телегами, железными боронами, плугами и всем тем, что могло служить преградой готовящихся к нападению врагам. К ночи вокруг села был расставлен усиленный караул, чтобы не дать возможности киргизам зажечь село, что было их главной целью. Наблюдательный пункт был установлен на колокольне, откуда было видно, что Преображенское со всех сторон окружено тысячными скопищами киргиз, среди которых, судя по их движениям, происходили какие-то совещания.

Во время ночных наблюдений видно было, как киргизы жгли заимки, маслобойни и мельницы, и при этом в разных местах высоко приподнятыми зажженными фонарями, наклоняя их в ту или другую сторону, делали какие-то условные знаки.

В осадном положении преображенцы были два дня и не теряли времени, усиленно готовились к обороне. За эти два дня были возведены окопы вокруг села. Работали не только мужчины, но и женщины, и вообще все, кто мог работать.

12-го августа с самого утра по всему было видно, что киргизы готовятся к нападению, что и подтвердилось.

Часов около 12-ти дня лавина киргиз, тысяч до четырех, с неистовым криком скатилась с уступа гор с северо-восточной стороны, к реке Тюп, протекающей у самого села.

Наши стрелки, в числе которых было 8 человек солдат, посланных для исправления телеграфа, и до пяти стражников с маковых плантаций, засевшие под обрывом кладбища, дали два-три залпа, остановившие наступление, а выстрелы из самодельной пушки заставили киргиз отступить, и таким образом, с Божией помощью первая атака была отражена, что нас несколько ободрило.

Не прошло и трех часов, как киргизы сделали второе наступление с юго-восточной стороны, которое преображенцы встретили более стойко и дали такой отпор, что киргизы обратились в бегство и понесли, как говорят, потери убитыми более двухсот человек, в числе которых был убит видный главарь Раскельды Бериков.

Энергичная защита преображенцев так подействовала на киргиз, что они стали держаться на расстоянии 4-5 верст от села.

13-го августа перешли в Преображенское жители станицы Николаевской и число защитников несколько увеличилось. Но нужно сказать, что, к сожалению, у казаков нашлось лишь 3-4 винтовки, а остальные были вооружены ружьями дробовиками и большею частью наскоро сделанными пиками. Стали прибывать посылаемые из Пржевальского мелкими частями подкрепления и положение Преображенского, в смысле обороны, с каждым днем стало улучшаться.

14-го августа прибыли в Преображенское иноки Исык-Кульского Свято-Троицкого монастыря во главе с настоятелем оного архимандритом Иринархом, спасавшиеся несколько дней вблизи монастыря на острове. Вместе с иноками прибыли застигнутые в монастыре восстанием: священник Сазановской церкви о. Сергей Псарев со всем семейством, судебный следователь С. Кулаков с женой и присяжный поверенный Бутин с семьей.

Стали стягиваться в Преображенское оставшиеся в живых жители селений Озерно-Фольбаумского и Александровского, большинство которых оказалось страшно израненными... Для тяжело раненых, числом 80 человек, был организован лазарет в здании министерской школы.

Уход за больными добровольно приняли на себя жена священника Д. И. Величкина, жена учителя О. Н. Нарижная и дочь псаломщика Е. И. Юзефович, на попечении которых больные были до прибытия из Сазановки врача, акушерки-фельдшерицы и фельдшера.

Священники совершали богослужение, напутствовали больных, хоронили умерших, совершали погребение по убиенным, исповедывали говеющих, число коих в иные дни доходило до четырехсот человек, и некоторые участвовали в комитетах по выдаче разных видов пособий беженцам и бедным.

В здании женской церковно-приходской школы был открыт приют для детей, родители коих были убиты. Организацию приюта и присмотр за оным принял на себя священник о. Стефан Якушев.

19-го августа, под охраной военного отряда в 100 человек, под начальством урядника Овчинникова, были приведены в Преображенское жители селений Каменки, Григорьевки, Семеновки и Сазановки, которых киргизы держали в осаде в Сазановке, в ограде больницы, 5 дней.

Общее число беженцев достигло 6000 человек, все они радушно были встречены Преображенцами и размещены по домам.

28 августа с наблюдательного пункта было замечено громадное облако пыли со стороны села Александровского. Облако это широкою полосой двигалось вдоль почтовой дороги по направлению к Преображенскому.

Посланы были разведчики, которые, возвратившись, сообщили, что к Преображенскому движется громадное скопище киргиз, не менее 10000, со своими семьями и награбленным по всему северному побережью Исык-Куля скотом и имуществом, занимая все пространство от почтовой дороги до предгорий. В сумерки, не доходя 3-4 верст до селения, это скопище остановилось, выставив сильный заслон.

Находившиеся в Преображенском хорунжие^[1] Пермитин и Фон-Берг, имея под командой отряд в 160 человек и несколько взводов местной дружины, в виду наступившей темной ночи, вступить в открытый бой не решились. Расставив сторожевые посты вдоль киргизского заслона, так провели всю ночь.

На рассвете видно было, как киргизы узкой полосой у самых гор шли поспешно к Сан-Ташу. Нужно полагать, что так шли они в течении всей ночи.

Часов в 5 утра начался бой, продолжавшийся до 4-х часов пополудни. Киргизы упорно защищались, но, наконец, обратились в бегство, бросая на пути не только свое имущество, но детей и жен.

Потери киргиз были 1000 человек. Оставленный киргизами скот (рогатый и овцы) исчисляется сотнями тысяч.

Не обошлось без урона и с нашей стороны: у нас оказались убитыми два казака и один храбрый дружинник, из крестьян села Преображенского. Кроме того, мы потеряли одну самодельную пушку.

После этого боя, как установлено разведочными отрядами, киргизы удалились от Преображенского на значительное расстояние.

5-го сентября мы встречали, а 6-го молитвенно проводили отряд войска в 1400 человек под начальством подполковника А. И. Гейц.

Из этого отряда оставлен у нас гарнизон в 224 человека при 2-х офицерах, выделены охранные команды для Исык-Кульского монастыря и селений: Сазановки, Семеновки и Григорьевки.

Слабое наше слово не может выразить и малой доли всего того, что пережили мы за последний месяц.

Вверенная нам церковь особых убытков не понесла, но от долгого пребывания в церкви сотен женщин, детей и дряхлых стариков, приносивших с собою пищу (жили в церкви четверо суток), полы, стены, иконы и лампы сильно загрязнены; загрязнена и ограда, сторожка и двор вокруг оной».

Бобриковский настоятель, священник Т. Сас, пишет, что мятежники окружили его селение около 11 часов утра.

«Полтора дня мы отбивались, но не могли устоять и отступили к селению Теплоключинскому. Бобриково было разграблено и сожжено. Убито семь душ крестьян и угнан весь скот. Молитвенный дом ограблен и сожжен до основания; причтовый дом тоже сгорел. При сильном нападении я не мог ничего спасти из церковной утвари, лишь только спас Святой Антиминс и Святые Дары и посуду от Мира с остатками такового, так как Мира было мало... Все метрические и другие книги разграблены и сожжены.

Так как у меня своей подводой не было, то жена и дети бежали на нижнюю улицу и пешие пошли за подводами. Я детей забросил на последнюю подводу и сами с матушкой пошли пешие до села Теплоключинского.

Прибыв в село Теплоключинское первым из священников, я застал наступление киргиз. Я бросился с двумя солдатами и крестьянами на киргиз, и атака была отбита, притом убит один киргиз, и много киргиз ранено.

Селения Валериановка, Соколовка, Лизогубовка, Паленское и Отрадное были атакованы со всех сторон. Я задумал попытаться спасти атакованные села; взял епитрахиль, отслужил на площади краткий молебен и пошел собирать с солдатами дружину из крестьян, вооруженных разного калибра ружьями. Мне удалось собрать около сорока человек дружины и ударить киргизам в тыл и таким образом спасти села и присоединить к селу Теплоключинскому».

Михайловский настоятель, священник К. Синусов, сообщает:

«Около 2-х часов дня 10 августа через мой поселок проехал вестовой с криком: «Спасайтесь, киргизы идут». Большинство крестьян, и я тоже, были в степи - жали хлеб. Конечно, те, которые были в поселке, страшно перепугались, наскоро запрягли лошадей, посадили женщин и детей (последние полураздеты и босы) и, почти ничего не взявши из имущества, помчались в город.

На пашне об опасности я узнал от крестьян, бежавших со степи, на которых напали киргизы и избивали их. Когда я приехал в поселок, крестьяне были уже в сборе и все мы принялись укрепляться на Димитриевской улице; обставили бричками и железными бородами эту часть поселка и забрали в укрепление женщин и детей.

Киргизов не было видно и ночь мы провели в укреплении спокойно, хотя все время пришлось быть настороже, и назначить усиленные разъезды.

На другой день 11-го августа утром киргиз нигде не было видно, и все мы разошлись по домам, думая, что днем они не будут наступать.

В 8 часов раздался набат и все жители собрались в укрепление.

Около 12 часов появились разъезды киргиз около села. Крестьяне заняли выгодные пункты для наблюдения за ними. Вскоре на Тюпском хребте зачернело и наши разведчики поехали удостовериться, так как некоторые спорили, что это - скот. Оказалось - киргизы, которые и двинулись на поселок сплошной лавиной. Ворвались в село и начали грабить и поджигать дома, а потом бросились к укреплению, но от выстрелов наших защитников отхлынули назад и рассыпались опять по поселку поджигать постройки. Часть их бросилась к молитвенному дому и подожгли сарай около него. Я побежал туда, кто-то из крестьян выстрелил в киргиз, они отхлынули и я в это время успел забежать в молитвенный дом и взял оттуда святыню: Антиминс, Крест и Евангелие. При выходе моем из молитвенного дома толпы киргиз опять направились к нему, но благодаря выстрелам крестьян рассеялись и двинулись к моему дому. Тогда я опять вернулся в молитвенный дом и взял ризу, епитрахиль и требник.

Когда я вернулся в укрепление, все бросились целовать Святой Крест. Вот когда ярко отразилось, что народ наш русский православный, несмотря ни на какие вредные влияния со стороны врагов Православия, носит в душе

великую веру. Вся толпа как один человек вознесли ко Господу Богу молитвенный вопль, все со слезами целовали Святой Крест и громко просили помощи свыше. Только такая вера дает силы легко переносить великие испытания и только они, эти испытания, дают пастырю возможность глубже заглянуть в души своих пасомых и почерпнуть для себя духовное утешение, открыв в них великое сокровище веры, терпения и упования, что в спокойное время как бы и не замечается.

Когда все приложились ко кресту, я опять был во главе защитников. Киргизы в это время, благодаря выстрелам крестьян, выехали из села, забрав предварительно весь скот. Беспорядочные толпы киргиз долго еще стояли около поселка, а потом все скрылись.

Молитвенный дом не загорелся, хотя сарай около него совсем сгорел.

Ночь в нашем укреплении прошла, как и предыдущая.

12 августа киргизы не нападали, были только разъезды. Мы продолжали укрепляться: окопались кругом и напустили воды в арык. В город послали за снарядами и подкреплением. Всего хуже было то, что у нас не было снарядов, так что своим кузнецам пришлось готовить пули и спешно ковать пики для защитников.

Посланные нами не принесли из города ничего утешительного: в помощи было отказано.

13 августа, рано утром я сам с двумя вооруженными верховыми пробрался в город просить помощи и разрешения переправить население Михайловского в Пржевальск, так как в поселке оставаться без снарядов было опасно: защитников, способных носить оружие, было человек 50, а нуждающихся в защите женщин и детей человек до 800. Киргизы могли подавить нас своею огромною массою.

Помощь сначала была обещана, а потом опять отменена. Пришлось ехать обратно без снарядов и подкрепления.

Возвращению моему осажденные были так рады, что трудно и выразить. Все думали, что я не вернусь, так как моя семья еще 10 числа попала в город вместе с другими беженцами.

Не рассчитывая на помощь из города, я решил взять на свою ответственность отpravку населения туда. Стали все собираться. Я взял из молитвенного дома сосуды серебряные и медные, икону Михаила Архангела в серебряном окладе, весь архив, богослужебные книги и ризницу. Церковный староста бежал из поселка еще 10 числа, а потому за неимением ключей с разрешения отца благочинного взломали вырчку и взяли деньги и свечи.

Потом прихожане попросили в последний раз позвонить, а затем сняли колокола и закопали их в землю. Сколько было пролито слез при прощании с родным, дорогим для всех храмом Божиим!

Длинный обоз беженцев двинулся в путь. Трудно было переправиться вброд через многоводный Джиргалан. Мост через эту реку был сожжен киргизами еще в ночь с 10 на 11 августа. Путешествие было благополучно, так как главные силы киргиз были направлены к селу Преображенскому. Итак все мои прихожане, слава Богу, прибыли в город невредимы, нет ни одного ни убитого, ни раненого, но убытки огромны и крестьяне страшно разорены".

Валериановский настоятель доносит следующее: "Десятого августа, часов в 5 вечера, слышался на улице крик: "Киргизы режут людей". На этот крик я вышел на улицу и мне представилась следующая картина: народ бежал по улице и кричал: "Киргизы угнали скот, а людей убивают".

Подозвав церковного сторожа, я велел ему бить в набат, а сам, заперев свою квартиру и двор, с семейством отправился в молитвенный дом.

Отслужив краткий молебен Господу Богу, воодушевив народ, женщинам велел с детьми идти ко мне в дом, а с мужчинами начал совещаться, как быть.

Сделав ограждение улиц железными боронами и телегами и вооружившись вилами, косами, топорами и несколькими ружьями - дробовиками, ждали появления киргиз, но киргизы не появлялись в эту ночь.

11-го августа, часов в 7 утра, киргизы начали спускаться большими массами с гор, по направлению к Валериановскому. Остановившись на гребнях гор на минуту, понеслись к реке Джаргалану.

Сделав нападение на Раздольнинцев, едущих в Валериановское, убив двух человек на смерть и семь человек ранив и ускакав опять на гребни гор, начали стрелять вдоль селения.

Раненых жителей Раздольного мне пришлось напутствовать Святыми Тайнами под свист киргизских пуль.

За день нами отбито четыре яростных киргизских атаки, в коих киргизы потеряли 30 человек убитыми.

В 9 часов приехал священник села Соколовского отец Григорий Петрович со своими прихожанами.

Ночь с 11 на 12 августа прошла весьма, тревожно, было несколько нападений и поджогов.

12 августа, с раннего утра киргизы начали нападать на нас большими массами и подожгли в нескольких местах строения, угрожая центру селения. Посему на общем совещании было решено выехать из Валериановского утром 13 августа. Мною было приступлено к вывозу церковных вещей и документов. Антиминс вложил в Евангелие и привязал на груди со Святыми Дарами. Сосуды, Евангелия, кресты, ризы и метрические книги завернул в узлы.

Около 4 часов вечера киргизы отвернули воду и тем заставили нас поспешить с отъездом. К тому же подожгли главную часть селения и навели на нас панику. Запасы пороху и дрови у нас истощились.

В 9 ч. вечера приехали два солдата из Пржевальска и объявили, что помощи оттуда ждать нечего.

В 11 часов ночи, не взяв с собою ничего, кроме легких узлов, мы покинули свое селение. Ночь темная, хоть глаз коли. Селения Лизогубовское, Соколовское и Раздолинское пылали, как свечи. Скоро запылало и Валериановское, подожженное с четырех сторон. Рев скота, блеяние овец, крики и стоны людей... Боже спаси, Пресвятая Богородица сохрани, - слышалось повсюду. Впереди горит Паленовское. Все шли на явную погибель.

Версты через три на моем возу сломилась ось, пришлось оставить все церковное и свое имущество, а семейство разместить где попало по одиночке.

Итак, я остался совершенно без ничего, кроме надетого на себя, и без церковного имущества, кроме святого Антиминса и дароносицы со Святыми Дарами.

Ниже селения Графо-Палена на наш обоз напали киргизы, отбив от нашего обоза 9 подвод и убив человек 40 женщин и детей.

В 7 ч. утра наш обоз приехал в селение Теплоключинское и здесь мы нашли себе приют".

"Того же десятого августа, - пишет настоятель Соколовскаго прихода, - в 5 или 6 часов вечера на улице послышался душу раздирающий крик: «Киргизы, киргизы». Шум этот заставил меня выбежать за ворота, и взору моему представилась такая картина: по улице бегут мужчины женщины, дети с криком: "Киргизы бьют, режут, жгут".

Подойдя к обезумевшей от страха толпе поближе, я узнал, что огромные полчища киргиз напали на мирно работавших людей в поле. Скот угнали в горы, а безоружных людей принялись избивать. Некоторые убежали, а более 15 человек не возвратились и до настоящего времени.

Такое неожиданное событие страшно вскружило всем голову. Все боялись за свою жизнь. Чтобы хоть несколько рассеять мысли о грядущей беде, я приказал сторожу бить в колокола. Народ несколько остепенился и всей гурьбой повалил к молитвенному дому.

После краткого молебствия, воодушевившись моим словом, люди начали совещаться, как быть в случае нападения киргиз на селение. После долгих разговоров и даже споров все пришли к такому убеждению, что спастись бегством нельзя, ибо со всех сторон облегли грозные силы диких кочевников. "Будем биться до последней капли крови здесь, у своей святыни". Это был голос всего селения. Надеяться на свои силы и оружие нельзя, ибо в селе остались одни старики, женщины и дети. Была одна надежда на помощь Бога. С этой надеждой

мы провели всю ночь. О сне не помышлял никто. Каждый, видя пред собою грядущую гибель, проливал слезу в молитве.

Прошла ночь. Появилось утро. У всех людей явилось желание пойти к своим жилищам, взглянуть, быть может, в последний раз на свой долгий и тяжелый труд, надеть чистое белье, исповедаться и быть готовыми к смерти.

В числе других пошел и я. У церкви остался один сторож, чтобы при появлении киргиз на горизонте известить население ударом колокола.

Не прошло и часа времени, как раздался условный звук. Киргизы начали наступление с появлением утренней зари. Услышав удар в колокол, я бросился бежать к церкви, чтобы спасти Антиминс. Но, не пройдя и полпути, заметил толпу всадников, вооруженных пиками, быстро скачущих по улице, ведущей к церкви. Страх смерти заставил меня пойти обратно по главной улице к толпе. Все в страхе металось и кричало: "Скорей нужно бежать".

Ко времени нашего побега подоспели беженцы из селения Лизогубовки, и мы всей толпой двинулись к селению Валериановскому. Спасти что-либо из имущества ни кому не удалось, так как все беженцы оказались пешими. А тем счастливым, что оказались с подводами, пришлось навалить целые кучи детей.

Путь от Соколовки до Валериановки прошли без приключений. Погони со стороны туземцев не было, но поджоги и грабежи в селениях начались тотчас же после нашего отступления. Задние части обоза беженцев были еще в селении, как начался пожар молитвенного дома в селе Соколовском. Все деревянные строения сгорели, остались одни землянки.

В село Валериановку беженцы прибыли в 8 часов утра. Там уже были беженцы из села Раздольного, и в течение двух суток нам пришлось общими силами отражать наступления диких кочевников. Вооружение защитников было самое простое: косы, вилы да несколько ружей дробовиков. И не смотря на это четыре атаки киргиз были отбиты. Причем киргизы потеряли более 20 человек убитыми.

Ободрившись таким успехом, мы решили биться до конца. Но решение это не осуществилось, потому что киргизы отняли у нас воду, перекопав арыки в головных местах. Все селение осталось без воды. Сутки пили воду, оставшуюся в камешках, но когда и той не стало, решили бежать к городу.

13 августа, 12 часов ночи. Время нашего отступления из Валериановки. Не поддается описанию все то, что пришлось пережить людям в эту страшную минуту. Ночь темна, хоть глаз выколи. Все село объято пламенем. Стоны и плач людей, мычание коров, бляение овец, крик гусей, скрип телег - все слилось в один непрерывный гул. Все шли на явную погибель, ибо впереди ждала нас смертная опасность.

У селения Паленовского киргизы настигли наш обоз и подвод 9 отрезали, людей около 40 человек убили, а имущество разграбили. Остальные прибежали в селение Теплоключинское в 7 часов утра. Здесь нашли себе приют беженцы из 7 селений. В числе их было три священника. Большинство из беженцев раздеты и босы и находились в крайне тяжелом и бедственном положении. Большинство беженцев лишились всего своего имущества, в число коих попал и я со своим семейством. Лишился буквально всего. Приближается зима лютая, а у нас нет теплой одежды, нет обуви. Нет даже самовара, и вместо чаю приходится пить вареную воду из черного горшка, да и тот чужой».

Настоятель Липинского прихода В.Дерябкин рассказывает, что весть о киргизском бунте он получил того же 10 августа вечером когда вернулся с поля.

«Известие это, - говорить он, - сильно взволновало народ и заставило принять возможные меры предосторожности. Ночью страх усилился, когда увидели пожары со стороны Сазановки и других селений.

Утром 11 числа решили послать 5 человек в город Пржевальск узнать, в чем дело, и просить помощи. Посланные добрались до города, но возвратиться не могли. Были посланы другие 5 человек, но эти подверглись нападению дунган, которые избивали в это время крестьян селения Иваницкого.

Оставшиеся живыми вернулись в деревню и навели на всех панику: кто прятался дома, кто бежал на площадь, кто искал спасения в камышах.

Около церкви устроили заграждения из бречек, телег и бревен. Женщины и дети собраны в церкви, а мужчины вооружились вилами, топорами, косами и дробовиками.

К вечеру пришли сюда же и крестьяне селения Богатырского. Отслужили молебен и положились на милость Божию.

Все нападения киргиз мы отражали с успехом, а 14 августа, когда силы наши ослабели, вышли по направлению к городу, оставив родные места и святыню на разграбление дикой орды».

11 августа было началом осады большого села Покровского, расположенного в 35 верстах к западу от Пржевальска по южному берегу озера Иссык-Куль.

«В этот день, - рассказывает настоятель Покровского прихода священник Евстафий Малаховский,^[2] - встав в 7 часов утра, я вышел на крыльцо и спросил, почему мне не подали земских лошадей, так как я собирался поехать в Пржевальск за церковными свечами. Мне ответили, что приехал доктор, который забрал лошадей.

Как оказалось потом, доктор был зверски убит не доезжая 5 верст до города Пржевальска. В этом случае я вижу промысл Божий по отношению ко мне лично.

Не прошло после этого и десяти минут, как по улицам села раздались крики, что киргизы набросились на только что выгнанные табуны скота и погнали их в горы.

Первым делом у меня мелькнула мысль, что необходимо объединить народ, чтобы общими силами дать отпор неверным, для чего я велел звонить в колокол. На звон его народ быстро стал собираться к церкви.

В это время на прилавках около села появились большие толпы киргиз с флагами, готовившихся к нападению на него. Казалось, дни наши были сочтены, так как в селе были почти одни женщины и дети. Мужчин вообще и ранее было немного, а в рабочее время и те, которые оставались, были на работе. Да и что мог сделать десяток - другой почти безоружных людей против тысяч киргиз?

Видя все это, я решил готовиться к смерти и приготовить к ней своих духовных детей. И вот, в церкви мы начали служение акафиста Покрову Пресвятой Богородицы. За общим рыданием не было слышно слов акафиста. Это был общий предсмертно-покаянный плач. Семья моя находилась здесь же, около иконы Богоматери.

Передав чтение второго акафиста диакону Резникову, я начал исповедывать народ, но видя, что по одиночке не в состоянии исповедывать всех, предложил общую исповедь. Народ стал с рыданием каяться в своих прегрешениях. Прочитав затем общую разрешительную молитву, я приступил к причащению всех запасными Святыми Дарами.

В большом затруднении я был относительно себя: исповедаться я не мог за отсутствием другого священника. Служить Литургию не было возможности, и я решил исповедать свои грехи пред Святым Престолом Самому Господу и причаститься.

Все это происходило в церкви. Что же в это время было вне ее? А вне ее совершилось дело явной помощи Божией. Киргизы в огромном количестве с диким воем бросились с гор на село. Совершенно случайно в селе оказались три казака, вооруженных винтовками, и один техник с охотничьим ружьем. И вот четыре этих человека при слабой поддержке нескольких мальчиков отбили нападение.

Пусть неверующие люди объясняют это чем угодно, но я и мои прихожане не сомневаются в этом первом заступлении за нас Царицы Небесной.

Пока происходило наступление, постепенно стали прибегать с полей и из других мест мужчины. Появилось несколько охотничьих ружей, револьверов, кос, вил и прочее. С этим вооружением люди стали на улицах по краям села. Киргизы же, собравшись на прилавках, готовились к новому нападению.

В село стали прибегать люди с печальными известиями о зверствах киргиз над теми, которых они захватили на полях и дорогах. Нервная дрожь пробегала от этих рассказов.

Но вот началось новое наступление. Послышались крики и отдельные выстрелы. Прошло приблизительно с полчаса времени, как вдруг раздался общий крик, что киргизы ворвались в селение. Показалось пламя и стало известно, что они пробежали по главной улице села и зажгли в нескольких местах дома. Поднявшийся сильный ветер еще более усиливал панику. Женщины взяли иконы из церкви и с пением "Заступнице Усердная" и другими песнопениями вышли на площадь около храма.

К этому времени мы совместно с учителем Стародубовым пришли к решению, что более удобное место для защиты будет - два больших школьных здания с огороженным глинобитным заплотом, садом и площадью между школой и церковью, почему и стали собирать женщин и детей в школы и сад около них.

Огонь с ветром, между прочим, делал свое разрушительное дело и нам грозила опасность задохнуться в дыму и остаться беззащитными, когда сгорят дома. Но ветер принес нам пользу. Сильными порывами он отнес пламя на ту часть села, где не было людей, а лишь грабили загоревшиеся дома бывшие работники-киргизы, зная, где лежит хозяйское добро.

Первый день ожидания страшной насильственной зверски-издевательской и мучительной смерти приходил к концу. Киргизы отхлынули и лишь огонь пожаров зловеще освещал церковь, площадь, школу и народ. В церкви началось вечернее служение.

Вероятно, никто не спал в эту и в остальные ночи. По крайней мере я в продолжении 4-х ночей только по несколько минут тревожно дремал, и, что удивительно, не чувствовалось склонности ко сну. Возможно, что это происходило от сильных душевных переживаний.

Ночью почему то киргизы не нападали. Очевидно, обжирались и отдыхали после дневного разбоя.

Ночью от страха несколько женщин преждевременно разрешились от бремени.

Стали появляться лица, которым с Божией помощью, удалось избежать насильственной смерти. Некоторые же из них были жестоко изранены. Ужасом веяло от их рассказов. Киргизы не щадили даже маленьких детей. Времена злой татарщины воскресали в моей памяти, но все, что когда-то читалось об этих временах, бледнело перед действительностью. Грозившая всем нам опасность подвергнуться той же участи заставляла всех еще сильнее просить помощи Божией.

Всю ночь я ходил среди людей, исповедуя и приобщая больных и побуждая мужчин не спать и быть готовыми дать врагу отпор в случае нападения.

В это время, в наших "мастерских", состоявших из 2-х кузниц, спешно изготовлялись ружейные патроны, собирали порох, отливали из свинца пули, а впоследствии, когда не хватило свинца, на это пошли самовары. Делали копья, тесаки и прочее вооружение. Явились свои инструктора и мастера. Все работали для общего дела - спасения жизни.

Вечером в этот день я обратился с призывом к людям, кто бы решился на подвиг и пробрался с известием в город Пржевальск. На мой призыв отозвалось четверо мужчин и несколько подростков. Решено было послать ночью часть пешими, а часть на лошадях. Мальчики скоро вернулись обратно, так как вышли рано и были замечены киргизами. Остальные же, как потом узнали, ночью добрались до Пржевальска. Вся трудность в этом деле состояла в том, что по дороге из Покровского в Пржевальск было дунганское селение и мы знали, что это неблагодарное исчадие, когда-то защищенное русскими, зло отплачивало нам.

В это же время у меня мелькнула мысль, принесшая нам впоследствии такую пользу, что без преувеличения можно сказать, что, не приведи мы ее в исполнение, вряд ли бы мы остались живы, а именно: я обратил внимание на то, что киргизы нападают на лошадях и что весь их напор до сего времени сдерживался живой силой. Надолго ли могли его сдерживать каких-либо 100 человек против тысяч? Вот это повторяю, навело меня на мысль - загородить улицы баррикадами. Чего, кажется, понятнее. Но русский человек и в опасности себе верен - не скоро его раскачаешь. Все нужно показать наглядно. Напрасно я уговаривал загородить улицы. Меня никто не слушал. Оставалось одно - сделать это самому.

И вот, рано на заре я взял несколько женщин, стал вместе с ними ставить поперек улиц телеги. Приходилось спорить с теми, кто не желал переставить своей телеги на другое место. Но как бы то ни было, а кругом площади мы установили по одному ряду телег.

Следующий день наглядно показал всю пользу подобных заграждений, когда на них наскочило несколько киргиз. После этого крестьяне уже сами стали строить баррикады не только из телег, но и из бревен и борон и не в один, а в три ряда.

В 7-м часу утра началось служение Литургии. Опять многие исповедались и приобщились Святых Таин. Приобщены были и дети.

Только что кончилась Литургия, как с колокольни, служившей для нас наблюдательным пунктом, стали замечать появление из разных горных щелей небольших групп киргиз, которые постепенно стали собираться кучами. Приблизительно часов около одиннадцати, разделившись на две партии, с диким воем, под руководством своих предводителей, державших белые и красные флажки и дававших ими особые знаки, орда, в количестве нескольких тысяч, вновь бросилась на село, но, встретив на своем пути баррикады, за которыми сидело десятка два стрелков с охотничьими ружьями, на время отступила и занялась грабежом и поджогом тех домов, которые находились вне нашей обороны, так как при малочисленности защитников мы не могли оборонять всего села.

Наступления киргиз продолжались часов до 4-х вечера. Все это время в церкви непрестанно молились.

В этот же день, часов около двух, в Покровское приехали переселенцы из селения Светлой Поляны. Покровцы обрадовались, что нашей силы прибыло, но скоро разочаровались, так как новоселы - народ бывалый и по приезде, прежде всего, устроились под бричками и занялись едой. Затем пошли по амбарам за мукой, попутно забирая все, что попадало на глаза. Скоро пошли жалобы и на пропажу одежды. Странно и непонятно было для меня, что люди, доживая, может быть, последние часы своей жизни земной, решаются воровать.

В 5 часов вечера служили вечерню и утреню, а в 7-м часу утра - Литургию. Днем в продолжении всей осады по несколько раз служили молебны водосвятные и акафисты с крестными ходами.

Наконец наступило воскресенье 14 августа. Едва кончилась Литургия, как со всех горных щелей стали вылезать отдельные партии киргиз. По всему для нас было видно, что трудно нам придется, если из Пржевальска не дадут помощи, тем более, что нам было сообщено прибежавшими из плена, что киргизы решили за нашу упорную защиту не выпустить никого из села живым.

И вот, в унылом, близком к отчаянию состоянии духа, мы начали в 12 часов дня служить молебен на площади. Слезно молился исстрадавшийся народ Царице Небесной. И, о утешение - во время молебна прибежал вестовой с извещением, что из Пржевальска идет дружина. Еще усерднее стала молитва, и когда, приблизительно через полчаса, действительно пришло 65 человек дружинников, весь народ как один человек, пал на колени и слышно было сплошное рыдание.

Вообще над Покровским приходом прямо явно для меня и верующих людей вместе с гневом Божиим была видна и помощь Его нам, по слезной народной молитве к Заступнице Усердной. Приди помощь позже на час - возможно, что многих из нас уже не было бы.

Только что мы успели обойти с крестным ходом занятую народом площадь, как со стороны гор послышался дикий зловеющий вой. Шесть волостей киргиз, т.е. не менее 6 тысяч орды, летело на полуразоренное село. Три часа непрерывно сыпались ружейные выстрелы, только к вечеру стихла стрельба. Киргизы отхлынули в горы, готовясь на завтра к нападению на нас еще в большем числе.

Мало кто из нас надеялся, что мы продержимся следующий день. Как бы в ответ на наши мысли, дружинники сообщили нам, что на завтра они остаться не могут, и предложили ночью ехать в Пржевальск - другого исхода не было.

Все сознавали, что нужна только особая Помощь Божия, чтобы проехать незамеченным 35 верст обозу в 700 подвод под охраной какой-либо сотни наездников, вооруженных охотничьими ружьями.

Почти уверенные, что не видать нам завтрашнего дня, мы начали служить всеобщее бдение Успению Богородицы. Народ уже начинал собираться в путь и в церковь заходили для краткой молитвы. Кончилась всеобщая. С особым, непередаваемым словами, чувством стоял я около Престола. С одной стороны, меня не покидала мысль о том, что, может быть, это была наша последняя всеобщая, с другой - мне представлялось, как через несколько часов и на этом месте появятся люди-звери и начнут свои бесчинства.

Но пора была приступать к делу. Отец диакон, задумчивый и безмолвный, стоял около меня. Молча поклонились мы друг другу и перед святым Престолом, после чего я взял святой Антиминс и Дары себе на грудь, сказав ему, что если меня убьют, пусть он снимет их с меня. Затем отец диакон согласился взять сосуды, Евангелия и кресты серебряные. Больше мы взять ничего не могли, так как у меня была маленькая тележка и одна лошадь. На этой тележке приходилось ехать самому и везти: жену, 5-ть человек детей, и 2-х прислуг, а у отца диакона совсем не было лошади и приходилось надеяться на добрых людей, чтобы увезти 8 душ семьи. Церковному старосте я велел взять деньги и предложил стоявшим в церкви взять кто что может. Взяли несколько икон.

Ехать было решено после полуночи, но в 10 часов уже все лошади были запряжены. На площади было светло от горевших кругом домов, а в церкви светились поставленные перед образами свечи. Посреди церкви лежала икона Успения Богородицы вроде плащаницы. Ожидая отъезда, я зашел в свой дом. Все в нем лежало на своем месте. Какое-то чувство безразличия ко всему на время овладело мною. Но вот приближалось время отъезда, и чем ближе было оно-тем сильнее сжималось сердце...

Минут за 20 до отъезда я вновь отправился в церковь проститься в последний раз... Попутно велел взять запрестольный крест на переднюю подводу, а икону Божией Матери на последнюю. Все сели на свои возы в ожидании команды - трогать. Проехали вперед десятка полтора конвоиров. Слышно было как впереди разбирали баррикады и починяли мост.

Минут через 10 раздалась тихая команда: "трогай". В полутьме видно было, как поднялись руки, творя крестное знамение. Послышались сдавленные рыдания. Я сидел на козлах, а в тележке за мной беззаботно дремали тесно прижавшись друг к другу, мои дети. Слезы затуманили мне очи, а руки творили над ними образ Креста. Затем, сотворив мысленно молитву Пресвятой Богородице, я благословил весь обоз.

Как в тумане каком помню, как ехали по улицам догоравшего села. По выезде из села стали попадаться трупы убитых русских. Стук телег, ржанье лошадей, шум поднятый 700 подвод, привел меня в отчаяние... С минуты на минуту я ждал, что вот с гор послышится зловеющий вой, и содрогался при мысли о той картине, которая тогда получится.

Только что проехали верст 5, как на горах показался огонь. "Сигнальный" - подумал я, и на время прямо остолбенел. Затем всем сердцем своим стал молиться. В таком напряженном состоянии духа доехали до селения Иваницкого, т.е. 15 верст. Вдруг обоз остановился и спереди послышались крики. Значит - подстерегли... Слышны рыдания женщин и молитва. Но, благодарение Создателю, того, чего ждали, не случилось. Оказалось - израненные и полуживые остатки жителей села Иваницкого, слышав шум обоза, выползли к дороге и их стали подбирать на телеги. По всему селу Иваницкому перекликались петухи, но мы знали, что в нем нет ни одной живой души. Обоз наш тронулся дальше.

Впереди предстояло переправиться через речку. Наверное, думал я, здесь нас подстерегают, но проехали благополучно. Вот уже до города верст 8. На пути стало попадаться много изуродованных убитых русских людей, как взрослых, так и детей.

Целую книгу можно написать о зверствах киргиз. Времена Батыея, пожалуй, уступят... Достаточно того, что на дороге попадались трупы 10-ти летних изнасилованных девочек с вытянутыми и вырезанными внутренностями, детей разбивали о камни, разрывали, насаживали на пики и вертели. Более взрослых клали в ряды и топтали лошадьми. Если вообще страшна смерть, то подобная смерть еще страшнее. Жутко становилось при виде всего этого.

Ехали мы уже около 6 часов и стало светать, как вдруг позади раздался крик, что гонятся киргизы. Что произошло далее, легко вообразить. Люди что есть мочи гнали лошадей, сваливались вместе с телегами с мостов, те, у которых что-либо ломалось или распрягались лошади, безумно обращались с просьбой к скачущим о помощи, но все думали только о себе. Вот уже и город. Навстречу бегут с пиками и ружьями дружинники... Мы спасены...

И Литургию в день Успения Богоматери могли слушать в Пржевальске. Над нами явно совершилось чудо. Пояснение одного из бежавших пленных подтверждает это. А именно: когда на завтра в Покровское пришли киргизы, они рвали на себе одежды, драли головы ногтями и вопили, а затем убили своих двадцать человек часовых, которые так крепко спали, что не могли слышать стука и шума обоза, растянувшегося на десять верст. Разве это не явная помощь Царицы Небесной, внявшей молитвам недостойных рабов Своих! Ни один человек, из выехавших из Покровского не погиб. Наказал нас Господь, но смерти не предал».

Одновременно с Покровцами того же 11 августа подверглись нападению киргиз, разрушены, сожжены и вырезаны селения Светлая Поляна, Барскаун, Тарханы, Кольцовка, Гоголевка и другие селения, лежащие на южном берегу Иссык-Куля, а также Григорьевка, Семеновка, Сазановка, Алексеевское и другие населенные места, расположенные по северному берегу озера, где проходил почтовый тракт из Верного в Пржевальск, причем сгорели церкви, школы, почтовые станции, сельские правления и все прочее.

Наконец, мятежники добрались до Иссык-Кульского монастыря и стали окружать его с трех сторон, оставив открытой только сторону озера. Архимандрит Иринарх с братией старались охранить обитель, насколько могли, но, конечно, к пролитию крови не прибегали, а потому скоро вынуждены были отступить и воспользоваться лодками, чтобы переправиться на один из островов и тем спасти свою жизнь. Однако, к великому сожалению, во время свалки и нападения были зверски убиты: иеромонах Рафаил, (ему отрубили голову),^[3] схимонах Исихий^[4], монахи Досифей, Дорофей, Феоктист, и послушники Никифор и Михаил, а некоторые другие тяжело ранены. После этого монастырь был ограблен до нитки, а скот уведен в горы. Впрочем, благодарение Богу, оба храма и другие монастырские постройки остались целы.

К числу новомучеников за Святую веру Православную следует отнести так же одну убитую учительницу из церковно-приходской школы и походного священника Пржевальского уезда о. Иоанна Роика.^[5] Он был взят 12 августа в плен и уведен в горы вместе со своей семьей: женой Верой и дочерьми - 5-летней Людмилой и грудным младенцем Ольгой. Отец Иоанн был острижен и расстрелян после разных мучений и отказ перейти в мусульманство. Также убита его дочь Людмила. Жена с младенцем Ольгой бежала из плена в ночь на 14 сентября.

Убиты церковные старосты:

Села Иваницкого - Степан Николаенко^[6] (назначен церковным старостой резолюцией Его Преосвященства N 3409 от 23 ноября 1914 г. назначен крестьянин).^[7]

Села Тарханы - Василий Голубь^[8] (назначен церковным старостой резолюцией Его Преосвященства N 2393 от 18 августа 1914 г.)^[9]

Села Барскаун - Герасим Павловский^[10] (назначен церковным старостой резолюцией Его Преосвященства N 805 от 28 марта 1915 года)^[11]

Села Гоголевка - Тихон Груша^[12] назначен церковной старостой резолюцией Его Преосвященства N 546 от 8 февраля 1914 г.)^[13]

Села Кольцовка - Павел Луценко (назначен церковной старостой резолюцией Его Преосвященства N 547 от 8 февраля 1914 г.)^[14]

Были убиты заведующий сельскохозяйственной школой Псалмопевцев, учитель Яхонтов.

В монастыре святыни (кроме Святых Даров) и церковное имущество частью разграблены, а частью повреждены и поруганы. Церкви осквернены и разграблены, Святые иконы исколоты, а из ризницы грабителями поделаны попоны для лошадей. Скот уведен в горы, запасы хлеба и прочее имущество уничтожены, оставшиеся в живых должны были спасаться то на островах, то в соседних селениях, пока мятеж был ликвидирован.

Чудом спасшийся от неминуемой лютой смерти и впоследствии подвизавшийся в Кызыл-Жарском скиту Аксайского ущелья близ г. Алма-Аты насельник монастыря схимонах Иракий явился свидетелем зверской расправы над своими сподвижниками. Его воспоминания через духовных его чад дошли до наших дней. Отец Иракий рассказывал верненским монахиням следующее: ^[15]

«В монастырь приехали киргизы и стали требовать ценности. Монахи сказали, что у них ничего нет. Киргизы покричали, пошумели и велели к определенному дню приготовить ценности, какие есть, и пригрозили расправой в случае отказа. Тогда часть монахов, среди которых были отцы Феогност и Пахомий[16], ушли из монастыря - кто в горы, кто в ближайшие селения. Отец Ираклий и монахи преклонного возраста остались, сказав: «Будь, что будет. Мы уже старые и никому не нужны. Как Богу угодно».

В назначенный день оставшиеся монахи закрылись в монастыре и стали служить. Все исповедались, причастились. Киргизы приехали утром, принялись стучать в двери саблями. Монахи не открывали.

«На меня страх напал, - говорил отец Ираклий, - видимо, не время было умирать, не готов был. Я побежал на колокольню, ищу, где спрятаться. Метался, метался и полез под тес, под лист железа. Киргизы выбили двери, зашли в монастырь, стали требовать драгоценности. Иконы побили, забрали церковную утварь - чаши, подносы, кресты. Потом во дворе началась казнь. Я лежал под крышей, и мне все было видно. Было очень жарко, я чуть не сгорел, железо накалилось, хотелось пить, но пришлось все терпеть. Смотрел, как монахам саблями отрубали носы, уши, руки, ноги. Сделают человека, как самовар, он кровью исходит, а я не знаю, что со мной было. - Рассказывая это, отец Ираклий называл замученных по именам и плакал. - Потом одного старца повесили за ноги вниз головой и начали снимать с него кожу. Сняли кожу, дали кожу ему в рот и кричат: «Держи!». Он висит вниз головой, держит кожу. Все окровавлено, все, как куски мяса. Не пощадили никого, всех порубили. Под вечер, к заходу солнца, смотрю, киргизы сели на лошадей и уехали. А я все под крышей лежу. Вижу, появились люди из селений, и ушедшие монахи стали подходить. Тогда я стал вываливаться из своего убежища. Упал на пол колокольни, а у меня ни руки, ни ноги не работают. Пить хочу. Я катался по полу, чтобы хоть немного отойти. Потом стал спускаться вниз - не шел, а катился. И когда меня братья увидели, напоили водой:

«Ты живой?» - «Живой». - «Как же ты спасся?» - Да вот, я на колокольне был». Плачем все. К утру раненые поумирали. Похоронили всех в общей могиле».

Другой источник[17] дает следующее описание того же события:

«При первом появлении мятежников вблизи Иссык-Кульского Троицкого монастыря (10 августа) все его население, руководимое архимандритом Иринархом, поспешно переехало в лодках на находящийся против монастыря на озере остров. Но несколько старейших монахов не пожелали оставить святую обитель и, собравшись в одной из церквей, с молитвою и пением ожидали нападение врага. Вскоре он появился и, видя монастырь покинутым, бросился на грабеж. Собравшиеся в церкви монахи все убиты, за исключением одного послушника, которому удалось спастись в окружающих церковь кустарниках. Церковное имущество, утварь и облачение расхищены, но почти все монастырские здания и обе церкви уцелели от пожара, которым уничтожена только небольшая постройка на заднем дворе».

Покончив с районом Иссык-Кульского озера и собрав награбленное добро и стада, мятежные отряды киргиз направились к востоку от Пржевальска и 12 августа напали на русские селения Джаркентского уезда: Каркару, Владиславское, Таврическое, Мещанское, Ново-Киевское и Охотничье, составлявшие один переселенческий приход с центром в Мещанском.

Настоятель прихода священник Василий Колмыков,[18] рассказывает об этом в следующих словах:

«Более двух месяцев было слышно, что местные нации и вообще киргизы, сарты и таранчи хотят громить и избивать русских жителей, и что будто бы для этого готовят холодное оружие. Так как официальных данных не было, то русские не придавая особого значения, относились покойно к этим слухам и продолжали спокойно заниматься каждый своими полевыми и домашними работами.

Не подозревая погрома, я с семьей, т. е. женой и ребенком, 11 августа уехал на Каркаралинскую ярмарку, находившуюся в 27 верстах от моего прихода, куда и приехал в 3 часа дня.

В этот день и весь вечер подозрительного ничего не было заметно, но на другой день, утром, в 4-5 часов, я был разбужен словами: «Батюшка, спасайтесь, киргизы окружают нас. Всех убьют и перережут...». Когда я, одевшись, вышел на улицу, то, действительно, увидел массу вооруженных людей, на лошадях, с гиканьем и криком спускающихся с окружающих гор (приблизительно 10 тысяч) и окружающих ярмарку. Поднялся страшный переполох: крик и плач женщин и детей, бестолковая беготня, и т. п. явления, но, благодаря распорядительности начальника, ротмистра Михаила Кравченко, все это успокоилось и нападение легко было отражено. Сейчас же

были приняты энергичные меры к вывозке хлебных продуктов в склады для содержания народа и, таким образом, со стороны г. Кравченко было сделано все, чтобы сохранить народ и облегчить их положение.

Вывоз продуктов с ярмарки и прием оных были возложены на меня, и, в силу этого поручения, я не мог ранее вечера попросить того же г. Кравченко оказать помощь жителям моего прихода.

Когда все успокоилось, киргизы были отражены, я стал усиленно просить г. Кравченко отпустить хотя бы 10-15 солдат для поездки в селение Мещанское и, предотвратив погром, спасти святыню. Просьба моя была удовлетворена, и на другой день, утром в 6 часов отряд в количестве 30 человек выступил верхами, вместе со мной, имея задачу, как карательного отряда, спасти жителей моего прихода. Начальником карательного отряда был назначен прапорщик Фома Рыскин и вследствие оказалось, что лишь благодаря Рыскину и Кравченко все жители обязаны спасением своих жизней.

Имея в виду оказать помощь жителям, все расстояние от ярмарки до первого поселка моего прихода (Таврического) пришлось ехать карьером.

Около 9 часов утра весь отряд, проскакав 27 верст, прибыл в поселок, где жителей никого не оказалось, а поселок был разграблен и весь объят пламенем. В этом поселке отрядом было убито киргиз-мародеров человек 20 и, послав донесение на Каркару о сем, отряд поскакал в следующий поселок (Владиславский), находящийся в 6 верстах от Таврического поселка, куда прибыл через 10-15 минут.

Здесь оказалось: жители поселков Владиславского и Таврического, соединившись вместе и устроив баррикаду из телег, борон и т.п. хозяйственных орудий, вели перестрелку с нападавшими киргизами. Отразив нападение и убив несколько киргизов, отряд, после отдыха и перемены лошадей, двинулся далее, т. е. в поселок Мещанский.

По дороге в Мещанское есть поселок Чулак, в котором находится 8-9 дворов баптистов. Но заезжать туда не было нужды, так как жители (со слов одного спасшегося) все поголовно были убиты и все сожжено.

Дорога в селение Мещанское проходит ущельем, а потому, во избежание нападения, пришлось ехать окружным путем (горами), и лишь спустя 3-4 часа, выехав из гор, увидели, что селение Мещанское горит. От гор до села Мещанского расстояние 12 верст. Дорогой отряду приходилось отвлекаться и задерживаться для отражения киргиз и лишь спустя 2-3 часа (прибл. около 2 часов дня) отряд стал приближаться к селу. К сожалению, ехать в село не было возможности, так как увидев приближающихся солдат, киргизы бросились наутек, то есть, бежать в горы, отстреливаясь на бегу и, таким образом, отряду пришлось сначала их разгонять и преследовать по горам.

Пока отряд преследовал киргиз-разбойников, я поспешил в селение и был окружен жителями со слезами радости. Все от малого до старика спешили ко мне под благословение и, плача, благодарили за помощь. Поплакав вместе с ними слезами радости и благословив всех, я стал расспрашивать их и оказалось: все крестьяне, собравшись в один дом (дом Кошева), отстреливались и защищались по силе своей возможности. Но так как ружей, порошу и вообще снарядов у них не было, а что и было, то все использовали, то им оставалось лишь предать себя на волю Божию. Уже дом был окружен со всех сторон, везде и рядом горело, киргизы собрались кинуться на них в последний раз, дети и женщины плакали и молились Богу перед своей смертью, мужчины опускали руки... и в этот момент показался близ села отряд солдат, несшийся полным карьером на выручку. Киргизы, напоподобие морской волны, отхлынули, и жители, ожидавшие смерти, были крайне удивлены. Лишь тогда, когда услышали залпами выстрелы, поняли, что пришла помощь и Господь спас их от лютой смерти.

Действительно, опоздай помощь на 10-15 минут, все было бы кончено. К счастью, убитых оказалось только лишь двое и раненых четверо. Успокоив всех по силе своей возможности, я бросился к молитвенному дому, но... опоздал. Молитвенный дом оказался разграбленным и горящим внутри. Невзирая на пожар, я кинулся вовнутрь, позвал людей и, руководя ими, залил пожар внутри и спас дом от окончательного сгорания. Все, что можно было спасти, я взял с собою, уложил в разбитый сундук и привез в г. Пржевальск.

Окончив дела с молитвенным домом, я пришел к дому моей квартиры. Увы... вместо дома я застал дымящиеся головешки и ничего более. Все личное добро пропало и сгорело. Церковные книги, все документы, все деньги, как частные мои и братской кружки, так и церковные за венчики и молитвы, погибли в огне и расхищены. Остался я с семьей моей лишь в том, что на нас надето. Не только не осталось верхней одежды, но даже и смены белья. Все, что есть, это старый драный подрясник с летней ряской, а у жены - рваное платье и пальтишко. Обуви

никакой, и жена с ребенком положительно раздета и с драной обувью. Сколько слез и жалоб... Не дай Бог слышать никому.

Туркестанской Духовной Консistorией был заслушан словесный доклад секретаря Консиситории о бедствии, постигшем православно-русское население уездов Семиречья: Верненского, Джаркентского, Пишпекского и Пржевальского от мятежных киргиз:

«Как пока еще не точны, отрывочны, а иногда и противоречивы доходящие вести о несчастье, но уже и теперь установлено, что бедствие неизобразимо. Одних только убитых и в одном только Пржевальском уезде насчитывается ок. 2000 человек, а захваченных в плен и уведенных в горы - ок. 1000. Оставшиеся в живых и не попавшие в плен, за малым исключением, лишились храмов Божиих, кои сожжены, разграблены и поруганы, лишились крова и одежды, и то бродят, обезумевшие от ужаса около своих пепелищ, то разбежались в разные стороны.

Особенно пострадал Пржевальский уезд в прибрежных местностях озера Иссык-Куля. Разграблен и единственный в епархии мужской Свято-Троицкий монастырь, а из насельников мученически погибли иеромонах Рафаил (духовник), схимонах Исихий и семеро из прочей братии - все изувечены и убиты. Из числа духовенства сначала был пленен, а потом умучен разъездной священник Иоанн Роик. Всюду идет вопль: «Помогите!»[\[19\]](#)

ЗАПИСКА СВЯЩЕННИКА М. ЗАОЗЕРНОГО.[\[20\]](#)

Восстание киргиз в Пржевальском уезде началось 10 августа. Уцелели г. Пржевальск и селения Преображенское и Теплоключинское. Сожжены и разграблены селения: Столыпино, Курское, Долинка, Григорьевка, Семеновка, Сазановка, Каменка, Алексеевское, Озерно-Фольбаумское, Михайловское, Бобриково, Отрадное, Лизогубовка, Соколовское, Валериановское, Графа-Палена, Горки, Высокое, Липинское, Богатырское, Иваницкое, Светлая Поляна, Тарханы, Барскаун, Гоголевка, Кольцовка, Сухомлиновское, Туткуй, Карабулак и Титовка.

Сожжены храмы в селах Сазановке, Покровском, Алексеевском и Графа-Палена, молитвенные дома в селах Столыпино, Семеновском, Озерно-Фольбаумском, Бобрикове, Валериановском, Богатырском, Иваницком, Светлой Поляне, Тарханах и Барскауна. Сожжены церковно-приходские школы в селах Столыпино, Сазановке, Алексеевском, Озерно-Фольбаумском, Графа-Палена, Высоком и Покровском.

Убиты церковные старосты сел Иваницкого, Тарханы, Барскауна, Гоголевки и Кольцовки.

В Пржевальском уезде по имеющимся у меня данным убито 1391 мужского пола и 431 женского пола, взято в плен 176 мужского пола и 937 женского пола, хотя еще эти сведения не полные.

Убиты священники о. Иоанн Роик, иеромонах Рафаил, ему отрубили голову. Помощник начальника уезда Ф.П.Камчев, Пржевальского участка врач Левин, Сазановский мировой судья, учителя, учительницы и много других.

Новое здание сельскохозяйственной школы в сорок тысяч 13 августа сожжено, 23 августа здесь отпето 92 трупа, половина из них не узнана. Вся дорога от села Иваницкого до города покрыта трупами. Особенно пострадали села Иваницкое, Высокое, Озерно-Фольбаумское, Алексеевское, Тарханы, Барскаун, Гоголевка и Кольцовка. Например, в селе Иваницком убито 245 мужчин и 30 женщин, взято в плен 200 женщин. В Барскауна убито 150 мужчин и 60 женщин, в плену 112 человек. В Гоголевке убито 230 человек и в плену 86. В Кольцовке убито 376 человек и в плену 306 человек, погибло все селение. Сожжены со всем имуществом богатые храмы сел Сазановки и Покровского. Сазановцы в 1915 году купили иконостас в 6000 рублей, колокола расплавились. Нет сил описывать страдания и мучения русских людей, погибла ¼ часть уезда. Детей киргизы разрывали, разбивали о камни, бросали с утесов. Невозможно описать страдания и мучения взятых в плен женщин. Все женщины, девушки, старухи и даже 12-летние девочки изнасилованы, заражены сифилисом, многие забеременели, нет сил, чтобы их утешить. Разорен богатый и прекрасный уезд. Если бы киргизы сразу же 10 августа напали на город, мы все погибли бы: в городе было только 50 солдат. Пять дней мы ожидали смерти и только вечером 15 августа пришла Джаркентская дружина 160 человек и 52 казака. 20 августа пришла сотня казаков из Джаркента. 2 сентября - 500 казаков из Верного и 6 сентября - отряд из Ташкента с пушками и пулеметами. Встречали их всем

городом и колокольным звоном, как своих спасителей. Телеграф восстановлен 15 сентября, почта пришла 30 сентября. Тракт на протяжении 300 верст разрушен.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА СОСТОЯНИЕ ЕПАРХИИ.

Из предыдущих глав настоящего отчета видно, что тягота великой мировой войны с внешними врагами, общая для всей России, для Туркестанской епархии усугубилась междоусобной бранью русского населения с инородцами. В пламене Киргизского мятежа погибло до 50 населенных местностей, пролилась кровь нескольких тысяч русских людей (в некоторых местностях вырезано $\frac{3}{4}$ всего населения), осквернены наши святыни, нарушен транспорт по железным и грунтовым дорогам, уничтожены хлеба, потоптаны посевы, увезен скот, поруганы честь и достоинство русского имени в стране, по праву завоевания принадлежащей России. Запасы продовольствия и предметов первой необходимости сократились, дороговизна жизни увеличилась, обнаружился недостаток церковных свечей, вина, ладана, даже просфор и кадильного угля. Церковно-приходская жизнь нарушена в своем строе и порядке. Какие бы причины не действовали в этих кровавых событиях, пролитая кровь вопиет к Богу о возмездии, которое, несомненно, постигнет виновных пред судом Божиим, как теперь оно постигло уже тех, кого удалось обнаружить и уличить.

Но нам, духовным пастырям православного населения края, пострадавшего от нашествия иноплеменников и междоусобной брани, следовало, конечно, заниматься не судом и мщением по отношению к виновным, но искать средств к ободрению малодушных, воодушевлению храбрых и утешению скорбящих. Это и было сделано. Так, прежде всего, население г. Верного через приходское духовенство 14 августа было собрано в Кафедральный собор к архиерейской Литургии, после коей мною была сказана речь с разъяснением текущих событий и приглашение сохранять спокойствие и быть готовым ко всяким случайностям - даже до смерти - и отслужен молебен, положенный во время «нашествия иноплеменников и междоусобные брани». Затем этот молебен повторялся неоднократно и, сопровождаемый церковным словом, вносил заметное успокоение в народную массу.

Тогда же было напечатано в газетах, обнародовано, роздано богомольцам и разослано повсеместно «Архипастырское послание к туркестанской пастве по случаю волнения туземцев» с приглашением повсюду совершать подобные же молебствия в храмах, на площадях и т. д.

Вместе с тем я лично неоднократно посещал все позиции, ограждающие город и принимал другие меры, ведущие к успокоению населения, содействуя военным и гражданским властям в выполнении лежащих на них обязанностей, призываю к тому же духовенство, как городское, так и сельское.

При первых же известиях о скоплении народа в г. Пржевальске, туда было послано несколько пудов свечей и ладана выючным путем через горы для утешения верующих. Когда же беженцы священники и псаломщики стали прибывать в Верный, им немедленно выдавалось от меня по 50 рублей на семью безвозмездного пособия. Такая же сумма высылалась по почте и телеграфу и в провинции, откуда доносились сведения о бедствии причтов. Кроме того, желающим выдавались ссуды из консисторских и попечительских сумм, подыскивались помещения, а население призывалось к пожертвованию ризницей, утварью, платьем, хлебом, деньгами и т. д.

Наконец, все священники и псаломщики, которые пожелали выехать из разоренных районов, получили новые места. Таким образом, первая помощь пострадавшему району была оказана, и только после этого я решился выехать из Верного в Западный Туркестан, чтобы посетить и другие места, где пронесся ураган мятежа и разрушений.

ИННОКЕНТИЙ, ЕПИСКОП ТАШКЕНТСКИЙ И ТУРКЕСТАНСКИЙ, Г. ВЕРНЫЙ, 1916 Г.

Заканчивая описание трагических событий, происходивших в Туркестанском крае в июле-августе 1916 года, преосвященный Иннокентий вновь возвращается к теме Иссык-Кульского монастыря.

«Монастырь, - пишет он, - дочиستا разграбленный мятежниками, осквернившими его храмы, потерял зверски убитыми 7 человек. Прочая братия, совершенно безоружная, спасалась на одном из монастырских островов, проникнуть куда киргизы не решились. Скот уведен в горы, запасы хлеба и прочего имущества уничтожены.

По миновании опасности и возвращении братии в монастырь, из него выбыла часть послушников и к январю 1917 года численность братии не превышает 20 душ. Возобновление монастырского миссионерства, хотя бы в самых скромных размерах, может начаться осуществлением лишь по полному успокоении мятежников и преданию

завлечению русским населением результатов бунта, на что потребуется, вероятно, не малое время. Организация же школьно-просветительской монастырской работы будет долгое время тормозиться отсутствием в монастыре для этого средств.

Таким образом, теперь нужно будет терпеливо и долго ждать, пока правительство найдет возможность возместить материальные убытки, заявленные монастырем в сумме ок. 150.000 рублей и пока состав братии пополнится новыми силами, способными восстановить разрушенное монастырское хозяйство и наладить расстроенную монастырскую жизнь.

Ближайшей же миссионерской задачей монастыря является всемерная забота об урегулировании распавшихся отношений русских переселенцев с полукочевым киргизским населением». [21]

Но вскоре последовал октябрь 1917 года, после которого в Иссык-Кульском монастыре, как и в некоторых Российских монастырях, недолгое время существовала сельскохозяйственная артель.

Окончательно монастырь был закрыт в 1919 году коммунарами, приехавшими из г. Верного. В монастырских строениях с 1932 года разместился сельхозтехникум, вокруг которого, со временем вырос поселок Светлый Мыс. До настоящего времени сохранились многие монастырские строения, в которых ныне размещаются школа, библиотека, сельская администрация. Монастырское кладбище, где погребены Иссык-Кульские преподобномученики, находится близ одного из административных зданий и представляет собой ровную площадку-пустырь, по которому жители поселка, зная о монашеских могилах, стараются не ходить. И, быть может, снова эта благодатная местность, приудобренная кровью невинно убиенных страдальцев, ждет новых делателей на ниве Христовой.

[1] Хорунжие – первый офицерский чин в казачьих войсках русской армии.

[2] Священник Евстафий Малаховский после 1916 года служил в Станице Надеждинская Верненского уезда Семиреченской области (ныне г. Иссык). Погиб как миротворец при братоубийственной смуте на Пасху 1918 года. («Туркестанский Церковный Вестник» № 3 (1 августа 1918 г.).

В августе 2000 года на Юбилейном Архиерейском соборе священник Евстафий Малаховских прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских. Память 22 апреля / 5 мая.

[3] Иеромонах Рафаил (Михаил Ливанский) родился в 1847 году в Олонецкой губернии в семье псаломщика. Окончив Александро-Свирское духовное училище, 24 июня 1865 года был определен послушником в оный монастырь. 1 января 1886 года переведен в Санкт-Петербург в Александро-Свирскую часовню. 20 апреля 1875 года вновь возвращен в монастырь. С 25 октября 1877 года по 23 мая 1878 года служил в Красном кресте. 10 августа 1878 года определен послушником в Белогостицкий монастырь и 8 декабря того же года переведен в архиерейский дом. 23 февраля 1879 года рукоположен во диакона и награжден серебряным знаком Красного креста. 26 мая 1884 года по прошению переведен в Туркестанскую епархию и временно приписан к архиерейскому дому. 17 июля 1884 года рукоположен во иеромонаха. С 1884 по 1887 год вступил в станицах Софийской, Надеждинской, Любавинской, Зайцевской. С 9 июня 1887 года по 27 апреля 1894 года временно служил в селе Надеждинском Ходженского уезда, затем вновь возвращен в архиерейский дом. 31 октября 1901 года направлен в село Николаевку Самаркандского уезда с причислением в штат Иссык-Кульского монастыря. 24 января 1902 года отозван в монастырь. В 1906 году Преосвященным Димитрием, епископом Туркестанским и Ташкентским награжден набедренником. Награжден серебряной медалью в память царствования Александра III. (Центральный архив РК, ф. 153, д. 400, «Туркестанские Епархиальные Ведомости» №1, 15 августа 1906 г.).

[4] Схимонах Исихий (Иван Апринцев) родился в 1832 году в г. Майкопе в мещанской семье. Вдовец. 27 мая 1880 года принят послушником в Михайло-Архангельскую Закубанскую пустынь. 12 января 1885 года указом Св. Синода перемещен в Иссык-Кульский монастырь. 18 февраля 1889 года пострижен в мантию с именем Исидор. 2 февраля 1906 года по его прошению пострижен в Великую схиму с именем Исихий. (Центральный архив РК, ф. 153, д. 400).

[5] «Туркестанские Епархиальные Ведомости» № 13, (1 июля 1914 г.) Резолюцией Его Преосвященства от 1 июня с. г. за № 1687 священник с. Кирилловского, Лепсинского уезда Иоанн Роик, согласно прошению уволен от должности настоятеля, с приглашением к Крестовой церкви Архиерейского дома.

Там же. 15 июня с. г. священник Иоанн Роик назначен состоять при Чапдаварской Церкви для помощи местному населению.

«Туркестанские Епархиальные Ведомости» № 17 (1 сентября 1914 г.). Резолюцией Его Преосвященства от 27 августа с. г. за № 2481 священник Иоанн Роик назначен разъездным священником Прежевальского уезда с 1 сентября с. г.

16 «Туркестанские Епархиальные Ведомости» 1916 г., № 22.

[7] «Туркестанские Епархиальные Ведомости» 1914 г., № 24.

[8] «Туркестанские Епархиальные Ведомости» 1916 г., № 22.

[9] «Туркестанские Епархиальные Ведомости» 1914 г., № 17.

[10] «Туркестанские Епархиальные Ведомости» 1916 г., № 22.

[11] «Туркестанские Епархиальные Ведомости» 1915 г., № 7.

[12] «Туркестанские Епархиальные Ведомости» 1916 г., № 22.

[13] «Туркестанские Епархиальные Ведомости» 1914 г., № 4.

[14] «Туркестанские Епархиальные Ведомости» 1914 г., № 4.

[15] Некоторые детали рассказа преподобного Ираклия Иссык-Кульского не вполне совпадают с описанием этого события в «Отчете». Но мы оставили рассказ таким, каким он нам известен.

[16] О иеромонахах Феогносте и Пахомии, так же и о схимонахе Ираклии упоминалось выше.

[17] Национальная библиотека РК, фонд редких книг, рукопись № 66 «Восстание киргизов в Семиречье, 1916 год».

[18] Священник Василий Колмыков после 1916 года служил в станице Подгорненская Джаркентского уезда Семиреченской области. Погиб в 1918 г. при братоубийственной смуте. («Туркестанский Церковный Вестник» № 3 (1 августа 1918 г.)). В августе 2000 года на Юбилейном Архиерейском соборе священник Василий Колмыков прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских. Память 25 января / 7 февраля.

[19] «Туркестанские Епархиальные Ведомости», 1916 г., № 19.

[20] «Туркестанские Епархиальные Ведомости», 1916 г., № 21.

[21] «Туркестанские Епархиальные Ведомости», 1917 г., № 13.